

ЕКАТЕРИНА АЛФЕРОВ



ПУСТОЙ  
ДОМ

Екатерина Алферов

# **Пустой Дом**

«Автор»

2026

## **Алферов Е.**

Пустой Дом / Е. Алферов — «Автор», 2026

188\* год, Санкт-Петербургъ. Исчезают барышни из благородных семейств, а перед тем они говорят, что слышали музыку... Особый Отдел начинает расследование! В меню: стилизация текста под 19й век (умышленно не полная, чтобы было удобно читать), царский Петербург (но это - не ваш Петербург! Будьте осторожны, не заблудитесь!), взять Достоевского и Гофмана, взболтать, но не смешивать (оммаж на последнего прилагается).

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Иванова ночь             | 5  |
| Глава 2. Следователь              | 11 |
| Глава 3. Новое дело               | 16 |
| Глава 4. Первое расследование     | 22 |
| Глава 5: Встреча с Евгенией       | 29 |
| Глава 6: В Особом Отделе          | 34 |
| Глава 7: Воспоминания             | 39 |
| Глава 8. Новый день               | 45 |
| Глава 9. Салоны Петербурга        | 50 |
| Глава 10. Весточка от Волкова     | 56 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 59 |

# Екатерина Алферов

## Пустой Дом

### Глава 1. Иванова ночь

*(12 лет до основных событий)*

Душный июньский вечер стоял над подмосковным лесом. Воздух, напоенный ароматами трав и смолы, казался густым и неподвижным, будто перед грозой. Лишь изредка налетал лёгкий ветерок, колыхая верхушки сосен и принося запах дыма от костров, разожжённых у реки празднующей молодёжью.

С реки тянуло сыростью, да белели пока ещё прозрачные языки тумана. Они легонько стелились над травой и кустами.

Феофан осторожно ступал по высокой траве, стараясь не выпускать из виду Лизу. Девушка то и дело ныряла в зелёное море, выискивая нужные травы для своего венка. Её русая коса мелькала среди полевых цветов, словно золотистая змейка.

— Лизонька, ты бы поближе держалась, — окликнул её Феофан, осторожно придерживая уже собранные душистые сокровища.

Несмотря на свои четырнадцать лет, в нём уже угадывались черты будущего серьёзного мужчины — высокий лоб, внимательный взгляд серо-зелёных глаз и сдержанные манеры.

Девушка в ответ только рассмеялась, подняв к нему покрасневшее от июньской жары лицо:

— Феденька, здесь никого, кроме нас, нет! А мне нужны именно те травы, что подальше растут!

Феофан нахмурился от такого легкомыслия, но промолчал. С Лизой всегда было так — она словно танцевала по жизни, легко и беззаботно, как летняя бабочка, а ему оставалось лишь следовать за ней тенью, оберегая от возможных опасностей. Впрочем, он не жаловался. Быть рядом с дочерью купца Иванова, у которого он служил с малолетства, было и долгом, и радостью одновременно.

Лиза, тем временем, подобрала юбку летнего платья и присела на корточки, бережно собирая стебельки душицы в свою корзинку.

— Гляди, Феофан, какая красота, — она протянула ему веточку с лиловыми цветками. — Ни с чем не спутаешь. Батюшка говорит, от этой травы и в чай хорошо добавлять, и в лекарственные настои.

Феофан принял веточку, осторожно поднёс к лицу. От душицы исходил сильный, пряный аромат, от которого у юноши слегка закружилась голова. Он всегда острее других чувствовал запахи — это было наследием отца, которого он почти не помнил.

— Хороша трава, — согласился он, возвращая веточку. — Только нам бы уже назад, к реке. Видишь, как небо темнеет? Как бы грозы не случилось.

— Мы успеем, — беспечно отмахнулась Лиза, продолжая собирать цветы. — Я собираю самый красивый венок сплести, чтобы все девушки завидовали.

Вдалеке над лесом прокатился первый, едва слышный раскат грома. Феофан вздрогнул — он не любил грозы. Точнее, боялся той странной силы, что просыпалась в нём при виде молний.

— Мне бы только зверобой найти, — продолжала Лиза, не обращая внимания на его беспокойство. — И тогда можно начинать плести. Матушка говорила, что венок на Ивана Купалу особенный — с ним можно будущее увидеть.

— Это всё сказки, — пробормотал Феофан, поглядывая на тёмные тучи, наползающие с востока.

— А вот и нет! — Лиза выпрямилась, уперев руки в бока, и посмотрела на него с лёгким укором. — Сколько раз я тебе говорила: есть вещи, которые нельзя объяснить простым разумом. Вот батюшка мой, купец, всё по счетам да по книгам, а матушка верит в старые обычаи. И знаешь что? Матушкины слова часто сбываются!

Феофан пожал плечами. Он привык к этому спору — Лиза всегда стояла за всё таинственное и необъяснимое, а он предпочитал точные науки. Но разве Лизу переспоришь? Да и зачем?

Ему она нравилась такой, какой была, с искорками в глазах, с нежной улыбкой. Если хочется ей верить во всякое необыкновенное, пусть. Он просто будет рядом, чтобы уберечь от того, что может навредить.

Уж он-то знал, что не всё необыкновенное является безобидным. А уж в такую ночь, как эта Феофан передёрнул плечами и огляделся.

— Пойдём к реке, — ещё раз попросил он. — Там и веноч доплетёшь. А если гроза начнётся, хоть крыша над головой будет — Митрохин отец обещал сегодня на берегу шатры поставить для праздника.

Лиза только покачала головой, но всё же нехотя двинулась в сторону реки, прижимая к груди корзинку с травами. Феофан шёл рядом, то и дело поглядывая на небо, где собирались тяжёлые гроззовые тучи.

— Знаешь, — вдруг сказала Лиза, замедлив шаг, — батюшка вчера говорил, что как тебе восемнадцать сравняется, хочет тебя своим помощником сделать. Говорит, толковый ты, счёт хорошо ведёшь, и глаз у тебя на недобрых людей верный.

Феофан почувствовал, как к щекам приливает жар. Купец Иванов, конечно, не раз хвалил его за усердие, но помощником Это была честь огромная. И великая милость. Ведь подобрал он сироту из призрения, думал, временно пристроить к делу, а оказалось, что мальчик и учится хорошо, и сметливый. Феофан слово себе дал трудиться не покладая рук, чтобы в люди выбиться.

— А ещё батюшка сказал — Лиза вдруг замолчала и отвернулась, но Феофан успел заметить, как зарумянились её щёки.

— Что сказал, Лизонька? — спросил он, чувствуя, как сердце забилося чаще.

Девушка помедлила, теребя ленту на своей косе, потом подняла глаза:

— Сказал, что как станешь помощником, можно будет и о свадьбе подумать. Если, конечно, ты захочешь.

Феофан застыл на месте. В голове вдруг стало пусто, а сердце, напротив, наполнилось таким восторгом, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

— Я — начал он, но не нашёл слов.

Лиза вдруг засмеялась, глядя на его растерянное лицо:

— Ох, Феденька, ты бы себя сейчас видел! Как красная девица на выданье!

Феофан почувствовал, как загорелись уши от смущения, но тут же и сам улыбнулся. С Лизой всегда было так — она могла одной фразой обескуражить его, а в следующий момент заставить улыбнуться.

— Мне бы честь великая была, — наконец выговорил он, стараясь подобрать правильные слова. — Если твой батюшка сочтёт меня достойным

— Ещё как сочтёт! — уверенно заявила Лиза. — Ты же самый умный и самый... — она запнулась, словно подбирая слово, — самый надёжный из всех. И не смотри так удивлённо! Я уже давно знаю, что батюшка тебя мне в мужья прочит. И я... — она опустила глаза, — я не против.

В этот миг она была так похожа на полевой цветок — такая же нежная, такая же хрупкая. Феофан сам не понял, как приблизился, да так, что между ними оказалось только Лизино лукошко. И оробел...

«Нельзя, — шептал внутренний голос, — нельзя к ней подходить». Но разве мог он устоять? Наклониться бы к девушке, прямо лицо к лицу, коснуться бы её, уста к устам. И ведь смотрит она такими глазами... Будь, что будет!

Феофан наклонился чуть ниже и уткнулся носом прямо в ромашку, которую выставила перед собой Лизонька. Глаза девушки смеялись, а щёки полыхали как маки. Феофан не выдержал и улыбнулся в ответ.

Над лесом снова прокатился гром, теперь уже ближе и громче. Феофан нервно оглянулся, но вместо страха в душе теперь царила такая радость, что даже надвигающаяся гроза не казалась страшной.

— Пойдём к своим, — сказал он, осторожно беря Лизу за руку. — Дождь вот-вот начнётся.

Девушка только вздохнула, но послушно последовала за ним.

Они пошли быстрее, пробираясь через высокую траву к тропинке, ведущей к реке. Вдали уже были видны отблески костров и слышны голоса собравшейся на берегу молодёжи.

— Вот успеем к реке, и я сразу начну венок плести, — говорила Лиза, едва поспевая за широким шагом Феофана. — Знаешь, как его плести нужно? Особым образом. Сначала основу из ивовых прутьев, потом травы лечебные, потом цветы для красоты. А ещё — она вдруг остановилась, глядя куда-то в сторону. — Феофан, смотри!

Юноша проследил за её взглядом. В глубине леса, там, где деревья становились гуще, мелькнул странный голубоватый свет.

— Что это? — прошептала Лиза, невольно прижимаясь к его плечу.

Феофан нахмурился. Свет был неестественным — не огонь, не фонарь, а что-то иное. Что-то, от чего по коже пробежал холодок.

— Не знаю, — честно ответил он. — Но нам лучше идти к реке. Сейчас дождь начнётся.

Но Лиза уже шагнула вперёд, к таинственному свечению:

— Пойдём посмотрим, Феофан! Может, это колдовство какое купальское? Или клад светится? Под папоротником В такую ночь всякое бывает!

— Лизонька, не надо, — попробовал остановить её Феофан, но девушка уже отпустила его руку и направилась в сторону странного света, раздвигая высокую траву.

— Я только одним глазком гляну, — бросила она через плечо. — Может, это знак какой. В Иванову ночь разные чудеса случаются, матушка рассказывала.

Феофан вздохнул и двинулся следом. Оставить Лизу одну он не мог, даже если считал её затею глупой. К тому же, что-то в этом свете было притягательное. Словно он звал, манил к себе. Приглашал подойти

Чем ближе они подходили, тем отчётливее становилось свечение. Оно пульсировало, меняло оттенки от бледно-голубого до насыщенного лазурного. Феофан почувствовал, как по телу пробежала странная дрожь — будто кто-то мокрым холодным пальцем провёл вдоль позвоночника.

— Лизонька, давай вернёмся, — ещё раз попросил он, но девушка, словно замороженная, продолжала идти вперёд.

— Ты чувствуешь? — прошептала она, не оборачиваясь. — Как будто музыка звучит. Только не в ушах, а прямо в голове.

Феофан прислушался. Действительно, откуда-то из глубины леса доносилась странная мелодия — тонкая, зыбкая, не похожая ни на что, слышанное им прежде. В ней переплетались звуки, подобные нежному перебору серебряных струн, хрустальному перезвону тончайших колокольчиков и едва уловимому пению, напоминающему одновременно журчание ручья и

шелест листвы. Мелодия словно существовала на самой грани слышимости — то затихая до шёпота, то вновь усиливаясь, манящая и неуловимая.

Иногда в этом странном потоке звуков Феофану чудились отголоски старинных песен, которые пела ему мать в детстве — протяжных, берущих за душу. Только сейчас они звучали иначе, словно их исполняли не человеческие голоса, а сам лес, сама природа вокруг. Несколько раз ему почудилось, что музыка складывается в слова, зовущие по имени, обещающие нечто дивное и невообразимое.

Но не только таинственная музыка беспокоила юношу. С каждым шагом в сторону голубоватого свечения он всё сильнее ощущал нарастающее напряжение в воздухе. По коже пробегала странная дрожь, в местах, где отец оставил особые метки при рождении, чувствовалось лёгкое покалывание.

А в просветах между деревьями, туда, куда устремилась Лиза, в клубах тумана проступали удивительные картины. Феофану на мгновение показалось, что он видит сказочные хоромы, сотканые из утреннего тумана и лунного света, с куполами, подобными опрокинутым чашам из беломлечного стекла. Вокруг них вились диковинные существа, напоминающие то ли больших светлячков, то ли человеческие фигуры. В другой момент ему привиделся странный сад, где цветы испускали мягкое свечение, а плоды на деревьях напоминали драгоценные камни, переливающиеся всеми цветами радуги.

«Что-то не так», — подумал он, ускоряя шаг, чтобы догнать Лизу. Эти видения были прекрасны, но в их красоте таилось что-то чужеродное, неправильное, словно они не принадлежали этому миру. И где-то в глубине души Феофан чувствовал, что эта красота опасна, как опасны бывают самые прекрасные ядовитые цветы и самые яркие смертоносные змеи.

— Стой, — он схватил её за руку. — Нам нельзя туда. Это опасно.

Лиза обернулась, и Феофан с тревогой увидел, что её обычно ясные глаза словно затуманены. В их синеве отражалось то странное голубоватое свечение, а зрачки стали неестественно широкими, почти поглотив радужку. На губах девушки играла мечтательная улыбка, какой он никогда прежде не видел.

— Но там так красиво, Феденька. Я хочу посмотреть — проговорила она голосом, который звучал непривычно отстранённо. — Ты разве не видишь дворец? И эти сады? — она протянула руку, указывая на что-то видимое только ей. — они зовут меня по имени, говорят, что у них для меня приготовлен венок из незабудок, который никогда не увянет

Её голос был полон такого восхищения и тоски, словно она всю жизнь искала то, что теперь предстало перед ней, словно увидела потерянный рай, о котором тосковала, сама того не зная.

— Потом посмотришь, — твёрдо сказал он, удерживая её за руку. — А сейчас нам нужно идти к реке. Слышишь, как гром грохочет? Сейчас ливень начнётся.

Гром действительно становился всё ближе, раскаты следовали один за другим с небольшим интервалом. Ветер усилился, заставляя деревья шуметь кронами. Феофан чувствовал себя всё хуже — в груди нарастало странное давление, а из странного голубого света, казалось, тянулись невидимые нити, стремясь опутать его разум.

«Что там происходит?» — мелькнула тревожная мысль. Он никогда не сталкивался с подобным, но инстинктивно чувствовал опасность.

— Пожалуйста, Лиза, — почти взмолился он. — Пойдём отсюда. Это не купальские огни, это что-то другое. Дурное, мне не нравится

Девушка колебалась. С неба упали первые тяжёлые капли дождя, холодные и крупные, словно кто-то швырял с небес мелкие монетки. Одна упала Лизе на лоб, вторая — на щёку, а третья — на губы. Она моргнула, смахивая влагу с ресниц, и Феофан с облегчением заметил, как неестественная дымка в её глазах начинает рассеиваться, подобно туману под утренним солнцем.



Наваждение странных садов и хрустальной музыки потихоньку отступало, смываемое дождём, как смывается с оконного стекла ночная изморозь. Дождь усиливался с каждым мгновением, частые капли падали на листву над головой, создавая успокаивающий шелест, перебивающий тонкие, зыбкие звуки потусторонней мелодии. Лиза тряхнула головой, словно пробуждаясь ото сна, и провела мокрой ладонью по лицу.

— Как странно, — пробормотала она. — Мне казалось, я видела — она запнулась, видимо, уже не в силах восстановить картины, мелькавшие перед внутренним взором. Точно так же по пробуждении ускользают от человека самые яркие сны, оставляя лишь смутное ощущение чего-то необычайного.

В её глазах теперь боролись угасающее любопытство и растущее доверие к Феофану, которого она знала всю свою жизнь. Чары рассеивались, но удивление и желание разгадать тайну ещё оставались. По её промокшим волосам стекали дождевые капли, превращая русые локоны в тёмные змейки. Платье, ещё недавно лёгкое и светлое, теперь прилипло к телу, потемнело от влаги.

Тёмная туча над лесом на мгновение озарилась изнутри беззвучной вспышкой. Феофан невольно считал про себя: «Один два» — и лишь на счёте «шесть» раздался приглушённый раскат грома. Гроза приближалась, но пока была ещё на приличном расстоянии.

Лиза наконец кивнула, принимая решение:

— Хорошо, пойдём к реке. Но потом, может быть, вернёмся? С кем-нибудь из старших?

Её голос звучал уже почти нормально, лишь с едва заметной хрипотцой, словно она долго молчала. Прежняя, знакомая Лиза возвращалась, вытесняя ту зачарованную незнакомку, которая готова была броситься навстречу неведомому.

— Обязательно, — солгал Феофан, мысленно решив, что никогда больше не подпустит Лизу к этому месту. Что бы там ни было, какая бы сила ни скрывалась в чаще, она была опасна. Особенно для такой впечатлительной натуры, как у его Лизоньки, всегда тянувшейся ко всему таинственному и прекрасному.

Они повернули назад, взявшись за руки — не столько из нежности, сколько для поддержки на скользкой от дождя тропинке. Феофан чувствовал, как по его лицу и шее струится вода, как намокшая рубашка липнет к телу, но эти неудобства казались сущими пустяками по сравнению с облегчением от того, что они уходят прочь от странного свечения.

Но сделать и нескольких шагов они не успели. Всё вокруг внезапно осветилось ослепительно ярким светом, словно кто-то зажёл гигантский магниевый факел, и почти сразу же прогремел оглушительный гром — такой сильный, что, казалось, задрожала сама земля под ногами. Первая молния ударила где-то совсем близко, раскалывая пополам огромную сосну шагах в тридцати от них.

Лиза вскрикнула от неожиданности и страха, выпустив корзинку с травами из рук, и инстинктивно прижалась к Феофану, обхватив его обеими руками за пояс. Мокрые пряди её волос коснулись его подбородка, а сквозь намокшую ткань их одежды он ощущал тепло её тела.

Он обнял её, пытаясь успокоить, заслонить собой от бушующей стихии, хотя сам чувствовал нарастающую панику. С каждым мгновением в груди усиливалось жжение, а в кончиках пальцев появилось странное покалывание, будто от бегающих под кожей крошечных, раскалённых муравьёв.

Грозы он боялся с детства. Не просто боялся — в такие моменты в нём просыпалось нечто странное, неконтролируемое. Что-то, унаследованное от отца, о котором мать говорила лишь шёпотом и с оглядкой. Что-то древнее и опасное, клокочущее в жилах вместе с кровью, что-то, что могло вырваться наружу, если воля ослабнет хоть на мгновение. В детстве, во время особенно сильных гроз, мать запирала его в погребе, уверяя, что там безопаснее всего. И лишь теперь Феофан начинал понимать, что его скрывала не от молний снаружи, а от того, что таилось внутри него самого.

Новая вспышка озарила лес, превратив проливной дождь в сверкающую серебряную завесу. Раскат грома прозвучал почти сразу же — гроза была уже прямо над ними. Феофан почувствовал, как внутри него нарастает странная вибрация, а перед глазами всё начинает плыть, окрашиваясь в синеватый оттенок. Звон в ушах усиливался, заглушая даже раскаты грома.

— Пойдём скорее, — сказал он, чувствуя, как дрожат руки. — До реки недалеко.

Но они не успели. Новая вспышка молнии озарила лес, и тут Феофан почувствовал, как через всё его тело будто пропустили электрический ток. Кожа вдруг стала горячей, в висках застучала кровь, а перед глазами замелькали синие искры.

— Феофан, что с тобой? — испуганно воскликнула Лиза, отстраняясь. — Ты весь дрожишь!

Он не мог ответить. В голове звенело, а внутри поднималась странная, чуждая сила. Он смутно осознавал, что голубоватое свечение в глубине леса стало ярче, пульсируя в такт с его сердцебиением.

— Беги! — выдохнул он, отчаянно борясь с нарастающим внутри хаосом. — Беги к реке!

Она бросилась бежать, но было поздно. Небо словно раскололось надвое, ослепительная молния ударила прямо в высокую сосну рядом с ними. Треск разорвал воздух, и в тот же миг Феофан почувствовал, как что-то в нём окончательно сломалось.

Его тело выгнулось дугой, с пальцев сорвались синие искры, а изо рта вырвался нечеловеческий крик. Последнее, что он увидел перед тем, как потерять сознание — испуганное лицо Лизы и огненные змейки, бегущие по его рукам прямо к ней.

Волна жгучего эфира разошлась во все стороны!

А затем мир поглотила тьма, пронизанная вспышками молний и оглушительными раскатами грома.

## Глава 2. Следователь

*(12 лет до основных событий)*

Душная июльская ночь окутала подмосковные леса. С реки и многочисленных озёр напал густой туман, стелясь между деревьями белёсыми лентами, размывая очертания предметов и делая ориентирование почти невозможным. Сергей Александрович Турчанинов брёл по едва приметной лесной тропе, то и дело сверяясь с потрёпанной картой окрестностей Строгино и проклиная грядущую непогоду. На карте чернильным крестиком были помечены места исчезновения девиц — пять точек, расположенных по дуге, словно незримый рисовальщик наметил полукруг вокруг некоего центра.

— Нет, голубчик, что-то здесь не так, — пробормотал он себе под нос, останавливаясь и вглядываясь в зелёные заросли. — Пять девиц не могут просто так сгинуть, не оставив следа.

Следователь потерев кончик аккуратной бородки клинышком, которую холил с особой тщательностью. Ему было около сорока — высокий, подтянутый, с внимательными серыми глазами. Правый глаз его был чуть прищурен — след давнего ранения, но это лишь придавало его взгляду особую пронизательность. Его называли «ищейкой Особого Отдела», и недаром: Турчанинов обладал удивительным чутьём на дела, связанные с тайным, с тем, что обычные сыщики списывали на бредни и суеверия.

С Волковым они расстались около четверти часа назад, когда собаки взяли какой-то след у ручья, впадающего в строгинское озеро. Молодой помощник с его природным чутьём мог пригодиться там, а Турчанинов решил продолжить обследовать лесную тропу — одну из многих, отмеченных на его карте.

— Если найдёте что-то, немедленно сигнальте, — сказал тогда Волков, отправляясь со своими псами по следу. — И будьте осторожны, Сергей Александрович. Туман становится всё гуще.

— У меня есть заговоренные лучинки, — согласился с ним Турчанинов. — Если что-то найду, тут же дам знать.

Волков кивнул, хотя по его лицу было видно, что затея ему не по нутру. Турчанинов ободряюще хлопнул его по плечу и двинулся вперёд, стараясь ступать как можно тише. Ветер усилился, пригибая к земле высокую траву и заставляя деревья тревожно шуметь кронами. В воздухе явственно запахло грозой.

Июльский вечер клонился к закату. Солнце, ещё недавно палившее нещадно, теперь скрылось за тяжёлыми тучами, что обложили небо подобно свинцовому покрывалу. Воздух сделался необычайно густым, настолько плотным, что каждый вдох давался с усилием, словно грудь наполнялась тягучей патокой. Безветрие стояло абсолютное — ни единый лист не шевелился на деревьях, травы замерли в неестественном оцепенении, будто и они, подобно всему живому, в тревоге ждали надвигающейся бури.

Жара, однако, не спадала, а напротив, сделалась удушающей, наполненной влагой, от которой рубашка липла к телу, а на лбу постоянно выступали капли пота. В такие минуты перед грозой природа словно замирает в предчувствии, накапливая напряжение. Воздух наэлектризовался до такой степени, что мелкие волоски на руках и затылке Турчанинова поднялись, а металлические предметы — пуговицы, часовая цепочка и револьвер в кобуре — казалось, слегка покалывали кожу сквозь одежду.

Запахи леса, обычно свежие и лёгкие, теперь приобрели тяжесть и терпкость. Аромат нагретой солнцем хвои, пряные травы, цветущие на лесных полянах, запах листвы дуба и липы — всё это смешивалось в такой густой букет, что у Турчанинова начинала кружиться голова. Особенно сильно пахли болотные травы с близлежащих топей — сладковатой гнилью, багульником и валерианой, отчего вокруг словно сгустился невидимый дурман. Следователь

несколько раз глубоко вдохнул ртом, стараясь избавиться от лёгкого головокружения, вызванного этим пьянящим коктейлем.

В такую погоду человек становится вялым, разум затуманивается, а инстинкты обостряются. Турчанинов, несмотря на свою выучку, чувствовал, как по спине пробегают мурашки, а в затылке нарастает смутное ощущение опасности — то ли от предчувствия грозы, то ли от чего-то более зловещего, затаившегося в глубине леса.

Он расстегнул пуговицу на рубаше и снова взглянул на карту.

Последней исчезла дочь строгинского лесничего — Анфиса, девица семнадцати лет. Ушла вечером на берег собирать травы для купальского венка и не вернулась. Как и предыдущие четыре девушки, пропавшие за последний месяц. Местная полиция списала исчезновения на беглых каторжников либо на цыган, но родители несчастных, имевшие связи в Первопрестольной, добились, чтобы дело передали в столицу. Так оно и попало в руки Турчанинова.

Сыщик поднял голову, прислушиваясь. Где-то вдалеке размеренно звонил колокол — должно быть, в сельской церквушке служили вечерню. В другой стороне слышались голоса и смех — молодёжь собиралась у реки, готовясь к ночным купальским играм. Турчанинов усмехнулся, поглаживая бородку.

Иванова ночь. Время, когда, по поверьям, истончается грань между мирами. Сам он, будучи человеком просвещённым, скептически относился к народным поверьям, но не мог отрицать: в такие дни действительно случалось неладное. Особенно если кто-то сведущий в тайных знаниях решал воспользоваться моментом.

Внезапно его внимание привлекло слабое голубоватое свечение далеко меж деревьев. Турчанинов замер, вглядываясь. Обычный человек, вероятно, списал бы это на игру теней или на светлячков, но сыщик Особого Отдела знал: природный свет иначе ложится на сетчатку. Этот же отливал неестественной синевой, будто кто-то зажёл холодный неземной огонь среди подмосковного леса.

Турчанинов достал из внутреннего кармана сюртука медный компас особой конструкции. Стрелка, которая у обычного компаса указывала бы на север, здесь беспокойно металась, словно её притягивал сам источник загадочного свечения.

— Нехорошо, — пробормотал следователь, — очень нехорошо.

Он на мгновение задумался, не отправить ли сигнал Волкову, чтобы тот вернулся с собаками. Но молодой помощник мог быть уже далеко, а время могло быть на исходе.

Турчанинов достал из кармана небольшую заговоренную лучинку, покрутил в пальцах — особый сигнальный инструмент Особого Отдела. Если переломить её, точно такая же у Алексея откликнется и приведёт его к коллеге.

— Ну что ж, — пробормотал следователь, — придётся действовать самому. Волков сам найдёт меня, если понадобится.

Через четверть часа Турчанинов был уже достаточно близко, чтобы разглядеть: свечение исходило из небольшой поляны, частично скрытой туманом. Сыщик беззвучно опустился на одно колено, укрывшись за густым кустом орешника, и достал из кармана медный монокль. Поднеся его к глазу, он увидел то, что недоступно обычному зрению: на поляне в неровный круг выстроились тёмные фигуры, держащие в руках странные извивающиеся огни. Один, замыкающий круг, держал в руках небольшую арфу и ласково перебирал струны. Вокруг клубилась мутная дымка, из-под их ног тянулись тёмные нити, сплетаясь в сложный узор на земле.

А в центре круга. В центре, словно марионетки, двигались пять фигур в белых платьях — несомненно, пропавшие девушки. Их движения были неестественны — дёрганные и в то же время плавные, будто ими управляла некая внешняя сила. Они танцевали вокруг странного алтаря, двух мёртвых и скрученных нездешней силой деревьев в форме арки, покрытой непонятными символами. Над алтарём клубился туман, принимая причудливые, почти человекоподобные формы.

В этом тумане Турчанинов с содроганием различал то, что должно было казаться соблазнительным и прекрасным для неискущённого взгляда — призрачные дворцы с изломанными башнями, сады с цветами неестественных оттенков и форм, странные существа. Но для опытного сыщика Особого Отдела эти видения выглядели отвратительно чужеродными, словно кто-то пытался имитировать человеческие представления о прекрасном, не понимая их сути.

Откуда-то из центра этого действа доносилась та самая музыка, которую он слышал издавна. Она вторила арфе. Теперь же, вблизи, мелодия вызывала физический дискомфорт — от её неестественных модуляций сводило зубы, а в ушах появился звон, перерастающий в острую боль. Нечеловеческая гармония, построенная на интервалах, противных самой природе звука, казалось, стремилась разрушить что-то в сознании слушателя.

Турчанинов почувствовал, как по его рукам пробегают крошечные электрические разряды — мелкие голубоватые огоньки, потрескивая, скользили по коже, собираясь на кончиках пальцев и снова рассеиваясь. Весь окружающий эфир был настолько нестабилен, что обычные законы природы начинали искажаться. Такая концентрация магической энергии говорила о ритуале невероятной силы и древности — что-то, что не практиковалось столетиями или даже тысячелетиями.

Сыщик всматривался в лица танцующих девушек — их глаза были широко открыты, но совершенно пусты, словно их души уже не принадлежали им. По их бледным щекам катились слёзы, но выражение лиц оставалось отрешённо-блаженным, как у внезапно уснувших детей. В центре их хоровода медленно формировалась тёмная воронка, засасывающая что-то невидимое, но осязаемое даже на расстоянии — саму жизненную силу юных созданий.

Турчанинов напряг слух — до него долетали обрывки странного песнопения на незнакомом языке. Не латынь, не греческий и не санскрит — ничто из того, с чем ему доводилось сталкиваться прежде. Сыщик лихорадочно просчитывал варианты. В одиночку он ничего не сделает против группы, проводящей ритуал такой силы. Нужно звать Волкова и вместе

Небо прорезала первая молния, и почти сразу же прогремел гром — гроза подступала всё ближе. Полил дождь, но ему не под силу было затушить колдовские огни. Турчанинов заметил, как напряглись фигуры в кругу, как усилился неестественный свет, словно ритуал вступал в решающую фазу. Не раздумывая более, следовательно достал лучинку и переломил её.

Но события стали развиваться стремительно. В тот же миг, когда треснула палочка, откуда-то справа, с опушки леса, небо озарилось ослепительной вспышкой, и тут же раздался оглушительный треск — молния ударила совсем рядом. В тот же момент Турчанинов почувствовал, как волосы на его затылке встали дыбом, а кожу покалывают невидимые иглы.

Ритуал на поляне вдруг пошёл не так, как планировали его участники. Туманные фигуры над алтарём исказились, воздух вокруг заколебался, и со всех сторон послышался низкий, нарастающий гул. Фигуры заматались, а синее свечение начало пульсировать, становясь то ярче, то тусклее.

Новая молния расколола небо, ударив прямо в центр поляны. На мгновение всё застыло в ослепительной вспышке, а затем началось нечто невообразимое. Воздух словно вскипел, деревянный алтарь загорелся, фигуры в кругу с криками бросились врассыпную, а туман превратился в воронку, засасывающую в себя всё вокруг. Над каждой из девушек на мгновение возникло прозрачное, светящееся подобие человеческой фигуры, которое тут же устремилось в воронку над алтарём. Быстрее-быстрее крутился вихрь! Взыл в последний раз и — исчез!

Турчанинов, отброшенный ударной волной, с трудом поднялся на ноги. Перед глазами всё плыло, в ушах звенело. Он видел, как разбегаются тёмные фигуры, как с неба хлынул стеной дождь, как ветвистые молнии одна за другой разрывают тьму.

Сквозь пелену дождя и тающих клочьев тумана он с трудом добрался до центра поляны. Пять девушек, ещё мгновение назад танцевавших вокруг алтаря, теперь лежали недвижимо,

раскинувшись на мокрой траве, словно сломанные куклы. Турчанинов склонился над ближайшей — не дышит.

— Господи, помилуй, — прошептал Турчанинов, осеняя себя крестом. Он не был набожен, но сейчас в душе поднялся первобытный ужас перед силами, которых не должно быть в мире людей.

И тут, сквозь шум ливня и раскаты грома, он услышал крик — отчаянный, полный такой боли, что мороз пробежал по коже. Не раздумывая, Турчанинов бросился на звук, продираясь сквозь мокрые кусты и спотыкаясь о корни деревьев.

Выбежав на опушку, он увидел нечто, что запечатлелось в его памяти навсегда: худощавый юноша лет четырнадцати склонился над телом девушки, лежащей на траве. Вокруг них трава почернела и дымилась, а руки юноши его руки были охвачены голубоватыми искрами, которые постепенно угасали под проливным дождём.

— Лизонька! Лиза, пожалуйста! — обезумевшим голосом кричал юноша, трясая безжизненное тело. — Очнись! Открой глаза! Это я виноват! Я! Это всё из-за меня!

Турчанинов медленно приблизился. Девушка была мертва — это не вызвало сомнений. Её бледное лицо застыло в выражении удивления, под обгоревшим платьем виднелись страшные ожоги, словно кто-то приложил к нежной коже раскалённый металл. Юноша же, казалось, не замечал ничего вокруг — ни хлеставших молний, ни проливного дождя, ни подошедшего сыщика. Он лишь раскачивался взад-вперёд, обнимая тело девушки и что-то бессвязно шепча и подывая.

Сыщик осторожно коснулся его плеча:

— Мальчик, что произошло?

Юноша поднял лицо, и Турчанинов невольно отшатнулся. В глазах мальчишки плескалось такое отчаяние, такая бесконечная, нечеловеческая мука, что становилось не по себе. Глаза его, обычно, должно быть, серо-зелёные, сейчас странно светились в полумраке, а зрачки вытянулись, став почти вертикальными.

— Я убил её, — прошептал юноша потрескавшимися губами. — Моя сила она вырвалась наружу. Я не хотел, клянусь, не хотел!

Турчанинов присел рядом, игнорируя дождь, заливавший лицо:

— Как тебя зовут?

— Феофан, — ответил юноша. — Феофан Полозов.

— А её? — сыщик кивнул на тело девушки.

— Лиза. Лизонька, — голос мальчика дрогнул. — Она мы собирали травы для венка. Потом увидели свет в лесу и пошли посмотреть. А затем — он закрыл лицо обожжёнными руками и начал тихо молиться, раскачиваясь взад-вперёд. — Господи господи помилуй

Турчанинов внимательно вглядывался в лицо мальчика. Феофан был явно не в себе — глаза лихорадочно блестели, руки тряслись, а губы беззвучно шевелились в молитве. Шок, тяжёлый шок.

В тот момент из-за деревьев появился промокший до нитки Волков, за которым бежали его псы.

— Сергей Александрович! — воскликнул он, подбегая. — Слава Богу, вы живы! Что здесь творится?

Турчанинов коротко объяснил ситуацию.

— Я отправил двух своих по следам беглецов, — мрачно сообщил Волков, кивнув в сторону леса, — но эта проклятая гроза все запахи смешались, а следы смыло. Не уверен, что они кого-то найдут.

Турчанинов кивнул и перевёл взгляд на Феофана, который, казалось, даже не замечал их разговора — он по-прежнему баюкал тело Лизы, молясь и плача.

— Что с мальчишкой? — тихо спросил Волков. — И кто эта девушка?

— Ещё одна жертва, — ответил Турчанинов. — Но, кажется, не ритуала, а стечения обстоятельств. — Он помедлил, поглядев на обожжённые руки Феофана. — Или не совсем.

— Что будем делать? — Волков кивнул на мальчика. — В участок его?

Турчанинов задумался. По всем правилам, он должен был задержать Феофана — даже если тот не причастен к ритуалу, свидетельские показания могли быть ценными. Но интуиция, которая редко подводила сыщика, подсказывала другое.

— Нет, — наконец решил он. — Мальчик в тяжёлом шоке. Ему нужна помощь, а не допрос. Мы должны увезти его отсюда, как можно скорее.

Он снова опустился рядом с ним:

— Феофан, послушай меня. Нам нужно уходить отсюда. Пойдём с нами.

Мальчик будто не услышал его. Он лишь крепче прижал к себе тело девушки, продолжая шептать молитвы.

— Я не оставлю её здесь, — сквозь слёзы проговорил он. — Не оставлю Лизоньку одну в лесу.

Турчанинов переглянулся с Волковым. Мальчик был слишком слаб, чтобы нести тело, но настаивать на обратном — значило рисковать погрузить его в ещё более глубокий шок.

— Хорошо, — мягко сказал сыщик. — Мы возьмём её с собой. Алексей Игнатьевич поможет.

Волков, поняв без слов, подошёл к Феофану и аккуратно, с деликатностью, которой трудно было ожидать от его крупной фигуры, взял на руки тело девушки.

— Не бойся, мальчик, — тихо сказал он. — Я буду нести её бережно.

Феофан какое-то время смотрел на него расширенными от страха глазами, потом медленно кивнул и с трудом поднялся на ноги. Ноги его подкашивались, глаза блуждали, а губы продолжали шептать молитвы.

— Давай, Феофан, — Турчанинов осторожно обнял мальчика за плечи, направляя его. — Идём отсюда. Идём туда, где тебе помогут.

Они медленно двинулись через лес, оставляя позади поляну с алтарём и безжизненными телами девушек. Гроза постепенно стихала, но Турчанинов знал: настоящая буря только начиналась.

Внезапно мальчик остановился и повернул голову, всматриваясь в пелену дождя. Турчанинов проследил за его взглядом и на мгновение уловил движение среди деревьев — тёмная фигура отступила в тень, но сыщик успел заметить странный блеск в глазах наблюдателя. Не человеческий блеск.

— Он смотрит, — прошептал Феофан, вздрагивая. — Он видит нас.

— Кто? — спросил Турчанинов, напрягшись и потянувшись к револьверу.

Но мальчик лишь покачал головой и закрыл лицо руками:

— Не знаю. Но он пахнет смертью

Турчанинов почувствовал, как по спине пробежал холодок. Феофан явно видел и чувствовал больше, чем обычный человек. Собаки Волкова было вскинулись, но тут же поджали хвосты и заскулили, стоило им бросить взгляд к тем деревьям.

— Пойдём скорее, — твёрдо сказал следователь, увлекая мальчика вперёд. — Нам нечего бояться.

Но слова эти были лишь для храбрости.

В глубине леса, укрывшись за стволом вековой сосны, некто в тёмном плаще наблюдал за удаляющимися фигурами. Его тонкие губы искривились в удовлетворённой улыбке. Он бросил последний взгляд на опушку, где произошла трагедия, и растворился в тенях, словно его никогда и не было.

## Глава 3. Новое дело

*Начало мая, 188\* год*

Петербургское небо, как часто бывает в начале мая, соткалось из сероватых облаков, сквозь которые солнце пробивалось робкими лучами, словно нехотя касаясь каменных мостовых. Дома на Солдатской улице, где располагалась квартира действительного статского советника Турчанинова, казались особенно хмурыми в этот утренний час.

Феофан Евстигнеевич Полозов, чиновник Особого Отдела Российского Имперского сыска, шагал размеренно, постукивая тростью, которую носил скорее по привычке, нежели по необходимости. Высокий, худощавый, с преждевременной сединой на висках, он представлял собой фигуру настолько мрачную для этого утра, что редкие прохожие невольно задерживали на нём взгляды. Его строгое тёмное пальто, застёгнутое на все пуговицы несмотря на майскую теплоту, перчатки из тонкой кожи и круглые очки в тонкой медной оправе создавали образ человека основательного и серьёзного не по годам.

Никто из этих праздных наблюдателей не мог бы и помыслить, что восемь лет назад этот статный молодой человек был всего лишь послушником в монастыре под Владимиром, в отчаянии бежавший туда от мира после ужасной трагедии. Никто не знал, как в обители среди молитв и покаяния медленно затягивалась рана в его душе. И лишь несколько человек ведали о том, как появление Сергея Александровича Турчанинова перевернуло его судьбу.

Московское дело так и осталось не раскрытым до конца. Несмотря на все усилия, Турчанинову не удалось отыскать и привлечь к ответственности всех участников зловещего ритуала в подмосковном лесу. Многие следы оборвались, когда ритуал был сорван той невероятной грозой. Станные люди в тёмных одеждах исчезли, растворились в ночи, словно никогда и не существовали. Сыщику удалось найти нескольких соучастников — мелких исполнителей, но те, кто стоял за всем этим, остались в тени.

Однако более всего не давал покоя Турчанинову тот юноша из Строгино — Феофан Полозов. Образ его, склонившегося над мёртвой девушкой, с руками, переливающимися синими искрами, преследовал сыщика. Турчанинов чувствовал, что в этом хрупком с виду мальчишке скрывается сила, природу которой он до конца не понимал, но которая могла бы помочь в борьбе с подобными проявлениями тёмного колдовства.

Почти год Сергей Александрович искал Феофана, который исчез сразу после похорон Лизы. Худощавый юноша будто растворился без следа, никто не знал, куда он ушёл. Говорил, что пойдёт каяться и молиться о душе Лизоньки. Удержать его безутешные Ивановы не смогли, однажды просто исчез, оставил только письмо с извинениями, сказал, что не может так больше жить.

Сыщик обошёл десятки монастырей, посетил множество скитов и отдалённых приходов. На девятом месяце своих поисков Турчанинов прибыл в дальнюю обитель, что стояла в глубине лесов Владимирской губернии.

Именно там, в тишине монастырских стен, он обнаружил Феофана. Но бывшего юноши уже не было — на его месте оказался истощённый постами и молитвами послушник с потухшим взглядом, словно душа покинула его тело, оставив лишь оболочку.

— Я пришёл поговорить о том, что случилось в Подмоскovie, — сказал тогда Турчанинов, когда им позволили встретиться наедине.

Глаза Феофана расширились от ужаса, а руки, держащие чётки, задрожали.

— Уходите, — прошептал он. — Я молюсь о её душе. Только в молитве могу искупить свой грех.

— То, что произошло с Лизой, возможно, не было твоим грехом, — настаивал Турчанинов. — Ты был орудием в чужих руках. Твоя сила



— Не говорите о ней! — вскрикнул Феофан, закрывая уши ладонями. — Это проклятие, от которого я должен освободиться молитвой!

Встреча закончилась безрезультатно. Юноша был настолько поглощён чувством вины и отчаяния, что не желал слушать никаких доводов. Перед уходом из обители Турчанинов добился аудиенции у старца Филарета — духовного наставника Феофана.

Старец, с белоснежной бородой, спускавшейся до пояса, и глубокими морщинами, избороздившими его лоб, принял сыщика в своей скромной келье, освещённой лишь тонкой восковой свечой.

— Я знаю, зачем вы здесь, Сергей Александрович, — произнёс старец, когда они остались наедине. — Вы хотите забрать его из святой обители обратно в мир, полный соблазнов и грехов.

Турчанинов покачал головой:

— Я хочу, чтобы его дар служил людям, отче. В мой Отдел требуются люди с особыми способностями, чтобы Родине служить.

— Сила эта едва не погубила его душу, — старец покачал головой. — Он молится день и ночь о прощении.

— Но что, если эта сила дана ему Господом не для того, чтобы он прятал её в монастырских стенах? — парировал Турчанинов. — Что, если она — инструмент, с помощью которого он должен защищать невинных?

Старец Филарет долго молчал, словно взвешивая слова гостя.

— Он ещё не готов, — наконец произнёс он. — Душа его разбита. Если он вернётся в мир сейчас, это погубит его окончательно.

— А когда будет готов?

— Бог даст знак, — ответил старец. — И тогда я сам скажу ему, что настало время нести своё послушание в миру. А пока пока оставьте его здесь, Сергей Александрович. Пусть залечит свои раны в молитве и тишине.

И Турчанинов оставил Феофана, но не забыл о нём. Каждые несколько месяцев он писал старцу Филарету, справляясь о состоянии юноши. «Молится», «читает святые тексты», «помогает на подворье и в библиотеке» — таковы были ответы. Лишь единожды они смогли поговорить снова. Шли годы, и Сергей Александрович почти оставил надежду увидеть Феофана вне монастырских стен.

А потом, на пятый год, холодным октябрьским утром, в канцелярию Особого Отдела вошёл молодой человек в длиннополом одеянии послушника и с письмом от старца. Тёмно-русые волосы юноши были аккуратно подстрижены, но на висках уже серебрилась ранняя седина. Глаза, серо-зелёные, смотрели спокойно и внимательно, но в глубине их плескалась затаённая печаль.

— Феофан Полозов, — просто сказал он, когда его провели в кабинет Турчанинова. — Отец Филарет сказал, что пришло мне время жить среди людей. Я готов служить.

Турчанинов, не скрывая удивления, поднялся из-за стола:

— Признаться, я почти потерял надежду, что этот день наступит.

— Я тоже, — тихо ответил Феофан. — Но отец Филарет сказал, что иногда самое тяжкое послушание — жить в миру. И что дар мой — крест мой, и должен я нести его с пользой для людей.

В тот день Феофан Евстигнеевич Полозов был принят на службу в Особый Отдел. Поначалу он был лишь помощником Турчанинова, тенью следовал за ним, учился искусству расследования. Но очень скоро Сергей Александрович обнаружил, что не ошибся. У юноши были необычайные способности — не только дар ощущать магические колебания, но и острый аналитический ум, невероятная наблюдательность.

За восемь лет Феофан участвовал в десятках расследований. Он по-прежнему жил скромно, избегал светских мероприятий и женского общества, предпочитая проводить свобод-

ные часы за молитвой и чтением. Его жизнь была подчинена строгому распорядку, в котором не было места для праздности или суетных развлечений.

Размышления о прошлом прервались, когда Феофан достиг нужного дома. Он позвонил, и дверь открыл пожилой камердинер Турчанинова, Савелий, знавший Феофана ещё с тех пор, когда тот только пришёл в Отдел.

— Сергей Александрович ожидают вас, Феофан Евстигнеевич, — произнёс старый слуга, принимая пальто и трость. — Только прошу, не утомляйте его сильно. Доктор Штернберг строго-настрого

— Знаю, Савелий, знаю, — мягко улыбнулся Феофан. — Обещаю не задерживаться надолго.

Квартира Турчанинова дышала старомодным уютом. Тяжёлые гардины, массивная мебель красного дерева, картины в золочёных рамах — всё это создавало впечатление, будто время здесь остановилось где-то в середине прошлого царствования. Феофан знал расположение комнат наизусть, поэтому без промедления прошёл в кабинет, примыкавший к спальне хозяина дома.

Сам Турчанинов полусидел в кровати, опираясь на несколько подушек. Седые волосы его были тщательно причёсаны, борода подстрижена — даже болезнь не могла заставить этого человека забыть о достоинстве. Но болезнь всё же оставила свои следы: щёки впали, глаза лихорадочно блестели, а кожа приобрела тот специфический восковой оттенок, который бывает у людей, долго и тяжело болеющих. На прикроватном столике громоздились склянки с лекарствами, стоял недопитый стакан с каким-то отваром.

— Феофан Евстигнеевич! — воскликнул Турчанинов, и его низкий голос, теперь с заметной хрипотцой, наполнил комнату. — Рад вас видеть, голубчик. Присаживайтесь.

Феофан присел на стул у постели, внимательно вглядываясь в лицо наставника. Сердце его сжалось — Сергей Александрович выглядел хуже, чем при их последней встрече месяц назад.

По высочайшему дозволению начальника Особого Отдела, Феофан отправился было в давно запланированное паломничество по монастырям, да был возвращён в Петербург срочной телеграммой с тяжкой вестью, что Турчанинов слёг с лихорадкой и не может продолжать службу, и вся его работа ложится на плечи сотруdnика.

«Дорогой мой Сергей Александрович, — подумал Феофан с горечью, увидев старого друга и наставника в плачевном положении, — что же вы так не вовремя занедужили? И ведь предупреждали же доктора о здешнем климате, да только кто ж их слушает?»

— Как ваше здоровье, Сергей Александрович? — спросил он, хотя ответ был очевиден.

Турчанинов махнул рукой, на которой не хватало мизинца — след давней схватки с тёмным магом.

— Штернберг говорит, что я должен ехать на юг, — произнёс он с лёгким раздражением. — На целебные воды в Крым или куда-то ещё, где воздух подходит для таких, как я. Но как я могу уехать сейчас, когда эти исчезновения только начались?

Феофан выпрямился на стуле:

— Да, я видел доклад. Сегодня утром пропала ещё одна. Анна Лисицына, дочь профессора естественных наук. Черноморов сразу передал мне дело, как только доложили. Это уже третья за месяц.

— И все при одинаковых обстоятельствах, — кивнул Турчанинов, потянувшись к стопке бумаг на прикроватном столике. Он достал несколько листов и протянул их Феофану. — Я собрал все сведения о первых двух. Все из хороших семей, две — из дворянских.

Феофан принял бумаги и начал бегло просматривать их. Три карточки с фотографиями и описаниями пропавших. Первая — Софья Вяземская, 18 лет, дочь отставного полковника.

Вторая — Мария Нелидова, 17 лет, из древней дворянской семьи. Третья — Анна Лисицына, 19 лет, дочь профессора естественных наук. Все исчезли в течение последнего месяца.

— Полиция считает, что это обычные побегі, — продолжал Турчанинов. — Особенно в случае с Нелидовой — отец, говорят, был строг до тиранства. Но есть деталь, которая меня насторожила.

Он протянул руку к бумагам, и Феофан заметил, как дрожат его пальцы. Турчанинов перевернул страницу одного из дел.

— Взгляните на показания горничной Вяземских, — сказал он. — И на слова одноклассницы Лисицыной из гимназии.

Феофан нашёл нужные строки и прочёл вслух:

— «Накануне исчезновения барышня Софья вернулась с музыкального вечера у Строгановых в сильном возбуждении. Всю ночь напевала какую-то мелодию, которую я никогда прежде не слышала. Утром сказала, что идёт на прогулку, и больше не вернулась».

Он перевернул страницу следующего дела:

— «Анна последнее время была сама не своя. После того вечера в салоне Гжельских только и говорила о прекрасной музыке, которую там слышала. Сказала, что эта музыка зовёт её куда-то. Я посмеялась и забыла об этом, а на следующий день»

Феофан поднял глаза на Турчанинова.

— Музыка, — произнёс он задумчиво. — В показаниях по обоим случаям упоминается какая-то странная мелодия. А третья девушка?

— Здесь прямого упоминания мелодии нет, — ответил Турчанинов, перебирая бумаги. — Но в дневнике Лисицыной обнаружили запись о музыкальных вечерах, которые она посещала в последнее время. Она пишет о «музыке, которой не слышно ушами, но которая звучит в самой душе». — Он помолчал. — Странная формулировка, не так ли?

Феофан принял из рук Турчанинова раскрытый дневник с отмеченной страницей. Тонкий девичий почерк, аккуратный, но с заметной нервозностью в последних строках. Некоторые слова подчёркнуты по нескольку раз.

— «Сегодня снова слышала её, — прочёл Феофан вслух. — Эту мелодию невозможно напеть или сыграть, она словно исходит откуда-то из иного мира. Когда музыкант касается струн, мне мерещится не инструмент, а чьи-то длинные пальцы, перебирающие нити моей души». — Он перевернул страницу. — «Мне кажется, я слышу её даже сейчас, когда пишу эти строки. Она зовёт меня».

Феофан откинулся на спинку стула, обдумывая прочитанное. Что-то в этой истории казалось смутно знакомым, но он не мог понять, что именно.

— И все три девушки посещали музыкальные вечера? — спросил он.

— Да, хотя разные, — Турчанинов протянул ему лист со списком. — Вяземская бывала у Строгановых, Нелидова — у князя Щербатова, Лисицына упоминает несколько домов. Единственное, что их объединяет — все они в последние недели перед исчезновением жаловались на странные сны и слуховые галлюцинации.

Феофан внимательно изучал список, мысленно отмечая несколько адресов для проверки.

— А что Волков? Он же брался за поиски — спросил Феофан, вспомнив об их коллеге с необычайными способностями к выслеживанию.

Турчанинов нахмурился, и лицо его стало ещё бледнее:

— Волков руками разводит. Говорит, такого прежде не видел. Собаки кружат по комнатам пропавших, скулят, но следа взять не могут. Как будто девушки не вышли из дома, а растворились в воздухе. — Он потёр переносицу. — Алексей Игнатьевич даже сам пытался, в своей другой форме. Тот же результат. Следы обрываются прямо в комнатах, будто девиц и не было больше в этом мире. Рекомендую вам начать с Вяземских, мне кажется, я смог там что-то почувствовать, но — Турчанинов развёл руками. — Перенапрягся, да и слёг с этой проклятой

лихорадкой. Без вашего тонкого чутья, Феофан Евстигнеевич, мы с Алексеем Игнатовичем как без рук

Феофан знал, что Волков, при всей своей внешней грубоватости, был, пожалуй, лучшим следопытом во всей Империи. Его способности позволяли чувствовать малейшие запахи и видеть следы, недоступные обычному глазу. И если даже он оказался бессилен

— Значит, мы имеем дело с чем-то необычным, — медленно произнёс Феофан. — И эта музыка Должно быть, она как-то связана с исчезновениями. — Он задумался. — Есть ли что-то ещё, что объединяет этих девушек, кроме музыкальных вечеров? Возраст, социальный круг, внешность?

— Хороший вопрос, — Турчанинов снова начал перебирать бумаги. — Все три — незамужние барышни от семнадцати до двадцати лет. Вяземская и Лисицына — внешне похожи: русые волосы, глаза светлые. Нелидова темнее, но тоже не брюнетка. — Он достал фотографические карточки. — Взгляните сами.

Феофан с растущим беспокойством рассматривал лица пропавших. Молодые, цветущие, с открытыми взглядами и мягкими улыбками. У всех троих было что-то неуловимо схожее в выражении лиц — какая-то задумчивость, мечтательность в глазах.

— Вы подозреваете? — начал Феофан.

— Подозреваю, что это не обычные исчезновения, — кивнул Турчанинов. — И что музыка здесь играет не последнюю роль. Боюсь, мы имеем дело с каким-то ритуалом, Феофан Евстигнеевич. С чем-то, что не поддаётся обычному расследованию. Поэтому, вы должны хорошенько поработать. Только на вас и ваше особое чутьё вся надежда.

Что-то в тоне Турчанинова заставило Феофана насторожиться. Обычно его наставник был более сдержан в суждениях, особенно когда дело касалось сверхъестественного. Но сейчас в его голосе звучала неподдельная тревога.

— Вы что-то недоговариваете, Сергей Александрович, — произнёс Феофан, внимательно глядя на наставника. — Вы уже сталкивались с чем-то подобным?

Турчанинов закашлялся, прикрывая рот платком. Когда приступ прошёл, он глубоко вздохнул и сказал:

— Я не знаю, Феофан Евстигнеевич. Но чутьё моё, которое редко подводит, говорит, что эти дела связаны. И что нужно действовать быстро. — Он снова закашлялся, на этот раз сильнее, и Феофан заметил на платке следы крови.

— Вам нужно отдыхать, Сергей Александрович, — сказал он с тревогой. — Я могу зайти позже

— Нет, — Турчанинов поднял руку, останавливая его. — Слушайте. Черноморов официально передаёт это дело вам. Я уже говорил с ним. Вы будете вести расследование вместо меня.

Феофан почувствовал, как к горлу подступает комок. Они с Турчаниновым почти восемь лет работали вместе, и никогда прежде наставник не передавал ему дело полностью. Это означало доверие, но также и серьёзную ответственность.

— Я сделаю всё возможное, — произнёс он. — Но ваши советы

— Мои советы у вас будут, — улыбнулся Турчанинов. — В конце концов, я пока никуда не уезжаю, состояние не то. Но действовать придётся вам.

Он помолчал, затем добавил с некоторой неловкостью:

— И есть ещё одно обстоятельство. Вам понадобится временный напарник.

Феофан удивлённо поднял брови. Он привык работать только с Турчаниновым, и мысль о новом напарнике была ему неприятна. Звучало, как будто он предаёт больного товарища

— Суть дела такова, — продолжал Турчанинов, — что вам придётся бывать в свете, посещать музыкальные салоны, разговаривать с барышнями из хороших семей. — Он внимательно посмотрел на Феофана. — А учитывая вашу особенность и ваше отношение к общению с противоположным полом

Феофан невольно сжал кулаки в перчатках. Его «особенность» была его вечным крестом. Именно поэтому он всегда носил перчатки и избегал светского общества.

— Кого вы предлагаете? — спросил он сухо.

Турчанинов вздохнул:

— Михаил Александрович Белозоров, наш бессменный архивист и ритуалист, был готов помочь, да серьёзно заболел — та же проклятая лихорадка, что и у меня. Но его племянница, Евгения Александровна, помогавшая ему с исследованиями и переводами, могла бы быть весьма полезна. Она знает несколько древних языков, разбирается в ритуалах, а главное — имеет доступ в те круги, где бывали пропавшие девицы.

Феофан нахмурился ещё сильнее:

— Вы предлагаете мне работать с барышней? С неопытной девицей, которая никогда не участвовала в расследованиях?

Турчанинов слабо улыбнулся:

— Евгения Александровна не такая уж неопытная. Она помогала дяде в нескольких делах, и у неё острый ум. К тому же, с ней вам будет легче проникнуть в те дома, куда вас одного не пустят. А в свете — он деликатно кашлянул, — в свете, знаете ли, меньше обращают внимание на одинокого мужчину, если рядом с ним привлекательная молодая особа.

Феофан поджал губы, но возразить было нечего. Логика в словах наставника была.

— Черноморов уже дал согласие, — продолжал Турчанинов. — Завтра в десять утра вы встретитесь с Евгенией Александровной в библиотеке Отдела. Она будет помогать с документами и выступать вашей компаньонкой на светских мероприятиях.

Феофан вздохнул. Перспектива работать с незнакомой барышней его не радовала, но он понимал необходимость. Тем более, если приказ исходил от самого Черноморова.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я встречу с ней. Но не обещаю, что мы сработаемся.

Турчанинов улыбнулся шире:

— Вы сработаетесь, Феофан Евстигнеевич. Я в вас верю. А теперь, — он снова закашлялся, — думаю, нам лучше закончить беседу, иначе Савелий выставит вас за дверь без церемоний. Он очень ревностно следит за предписаниями доктора.

Феофан поднялся, собирая бумаги.

— Я буду держать вас в курсе расследования, — сказал он. — И поправляйтесь скорее, Сергей Александрович.

— Постараюсь, — кивнул Турчанинов. — У нас ещё много дел впереди, мой друг. Много дел

Когда Феофан Евстигнеевич вышел на улицу, петербургское небо уже прояснилось. Солнце, пробившись сквозь облака, освещало мостовую, но в душе молодого сыщика солнца не было. Предстоящее расследование беспокоило его, хотя он и не мог точно сказать, почему. Возможно, дело было в том странном ощущении знакомости — будто где-то уже слышал подобную историю. Или в том, что впервые за годы ему предстояло работать без непосредственного руководства Турчанинова. А может, причиной была необходимость сотрудничать с молодой барышней, что нарушало все его принципы отшельничества и затворничества.

Надвинув шляпу на глаза, Феофан зашагал по направлению к своей квартире — маленькой, аскетичной, больше похожей на монашескую келью, чем на жилище столичного чиновника. Ему нужно было подготовиться к завтрашней встрече и к этому странному делу о пропавших девушках и загадочной музыке.

## Глава 4. Первое расследование

День выдался холодным для начала мая. Серые тучи, нависшие над Петербургом, грозили пролиться дождём в любой момент. Феофан Евстигнеевич Полозов шагал по Сергиевской улице, направляясь к дому отставного полковника Вяземского. Ветер трепал полы его строгого пальто, а в воздухе висела промозглая сырость, от которой не спасали даже перчатки.

Дом Вяземских представлял собой добротное трёхэтажное здание с лепниной на фасаде и коваными решётками на окнах первого этажа. Несмотря на внешнюю презентабельность, в доме ощущалась та особая атмосфера запустения, которая приходит с несчастьем. Оконные стёкла не блестели, как обычно, будто потеряли интерес к отражению мира, а занавеси были плотно задёрнуты, словно дом пытался отгородиться от всего и вся.

Феофан поднялся по ступеням и дёрнул за медную ручку звонка. Через минуту дверь отворилась, и на пороге появился пожилой лакей в строгой ливрее.

— Полозов из Императорского сыска, — представился Феофан, протягивая своё служебное удостоверение. — Меня ожидают.

Лакей молча кивнул и жестом пригласил его войти. В просторном вестибюле царил полумрак — несколько светильников на стенах были притушены, создавая гнетущую атмосферу скорби. Феофан снял пальто и передал его лакею вместе со шляпой, но перчатки оставил — неперменный атрибут его гардероба независимо от ситуации.

— Полковник ожидает вас в гостиной, — сообщил лакей, указывая на дубовую дверь слева. — Супруга его несколько нездорова. Прошу, следуйте за мной.

Феофан последовал за слугой через анфиладу комнат. Интерьер дома Вяземских выдавал хороший вкус хозяев — старинная мебель, картины в тяжёлых рамах, бронзовые канделябры. Всё говорило о состоятельности и родовитости, но без кричащей роскоши.

В гостиной, обставленной в английском стиле, у большого камина сидел мужчина лет пятидесяти. Его плотная фигура, несмотря на гражданский сюртук, выдавала военную выправку, а седеющие усы были аккуратно подстрижены. При виде Феофана он поднялся, опираясь на трость — свидетельство старой военной раны.

— Полковник Николай Петрович Вяземский, — представился хозяин дома, протягивая руку. — Благодарю, что откликнулись на нашу просьбу.

Феофан пожал протянутую руку:

— Феофан Евстигнеевич Полозов, Особый Отдел Имперского сыска. Примите мои соболезнования в связи с исчезновением вашей дочери.

Вяземский кивнул, жестом предлагая Феофану сесть в кресло напротив.

— Хотите чаю? — спросил он. — Или, быть может, чего покрепче? День нынче промозглый.

— Благодарю, не стоит, — ответил Феофан. Он не любил затягивать светскую часть разговора, особенно когда дело касалось расследования. — Расскажите мне о вашей дочери, Софье Николаевне.

Полковник вздохнул, и на мгновение в его глазах мелькнула глубокая боль, но он тут же взял себя в руки, как и подобает военному человеку.

— Соне восемнадцать лет, — начал он. — Единственная дочь, родилась поздно, мы с супругой уж и не чаяли — он осёкся, подыскивая слова. — Воспитывалась дома, образование превосходное, языки, музыка Послушная девочка, тихая. Ничего предосудительного за ней не замечалось.

— Когда вы обнаружили её исчезновение? — спросил Феофан, доставая небольшой блокнот в кожаном переплёте и карандаш.

— Двадцать восьмого апреля, — ответил Вяземский. — Утром горничная пошла её будить, как обычно, но комната оказалась пуста. Постель не тронута, словно она и не ложилась. Или вышла рано, но это на неё не похоже.

— Накануне не было ничего необычного в её поведении?

Полковник задумался.

— Она вернулась с музыкального вечера у Строгановых — начал он, но тут дверь гостиной отворилась, и в комнату вошла высокая женщина в тёмном платье. Её когда-то красивое лицо было искажено страданием, а глаза покраснели от слёз.

— Анастасия Владимировна, — Вяземский поднялся, — вы должны отдыхать.

— Как я могу отдыхать, когда моя девочка неизвестно где? — голос женщины дрожал. Она повернулась к Феофану. — Вы из полиции? Вы нашли мою Сонечку?

Феофан поднялся и слегка поклонился:

— Феофан Евстигнеевич Полозов, сударыня, из Особого Отдела. Мы делаем всё возможное, чтобы найти вашу дочь.

Анастасия Владимировна оглядела его с ног до головы, и во взгляде её смешались надежда и недоверие.

— Особый Отдел? — она перевела взгляд на мужа. — Разве обычная полиция не справляется?

— Они тоже работают, но есть подозрения, что ситуация необычная, — спокойно ответил Феофан. — Наш Отдел занимается особыми случаями. — Он помедлил. — Скажите, сударыня, вы не замечали ничего странного в поведении вашей дочери в последнее время?

Анастасия Владимировна опустила в кресло, словно ноги отказывались её держать.

— Она изменилась, — произнесла женщина после долгой паузы. — После того вечера у Строгановых Сонечка стала какой-то рассеянной, отстранённой. Часами могла сидеть, глядя в одну точку, или напевать какую-то странную мелодию.

— Мелодию? — насторожился Феофан.

— Да, тихую и неприятную, — Анастасия Владимировна поёжилась. — Я несколько раз спрашивала, что это за музыка, но Соня лишь отмахивалась: «Ты не поймёшь, мама». А ведь прежде между нами не было тайн.

— И что же произошло на этом вечере у Строгановых? — спросил Феофан, делая пометки в блокноте.

— Ничего особенного, — вступил полковник. — Обычный музыкальный салон. Строганов собирает у себя талантливых музыкантов, поэтов Соня прежде часто там бывала.

— Но в тот вечер был какой-то особенный гость, — добавила Анастасия Владимировна. — Музыкант Софи вернулась совершенно очарованная его игрой. Всё твердила о каком-то чистом звуке, о музыке, которая будто из иного мира.

Феофан продолжал записывать, чувствуя, как внутри нарастает беспокойство. Упоминание о странной музыке и иностранном музыканте слишком явно перекликалось с записями в деле Турчанинова.

— Могу я осмотреть комнату Софьи Николаевны? — спросил он, убирая блокнот.

Вяземский кивнул:

— Разумеется. Я провожу вас.

Поднявшись на второй этаж, они прошли по длинному коридору, устланному толстым ковром, приглушавшим шаги. Полковник остановился у двери из тёмного дерева и достал из кармана ключ.

— Мы заперли комнату, — пояснил он. — Чтобы всё оставалось нетронутым.

Феофан молча кивнул, отмечая правильные действия отца. Комната действительно должна была сохраниться в том виде, в каком её оставила пропавшая девушка.

Дверь распахнулась, открывая взору спальню, обставленную с той лёгкой элегантностью, которая подобает юной барышне из хорошей семьи. Белая кровать под балдахином, трюмо с множеством флаконов, шкаф для платьев, письменный стол у окна, книжные полки, уставленные томиками на разных языках — всё выглядело аккуратно и опрятно.

— Я оставлю вас, — сказал Вяземский. — Если понадобится что-то ещё, дёрните за шнур звонка.

Когда дверь за полковником закрылась, Феофан медленно прошёлся по комнате, внимательно осматривая каждую деталь. Он начал с окна — оно выходило в сад, но решётки не было, так что теоретически Софья могла покинуть дом этим путём. Однако отсутствие следов на подоконнике и на самой оконной раме говорило против этой версии.

Затем Феофан приступил к осмотру личных вещей девушки. На трюмо расположились флаконы с духами (тонкий запах сирени), щётки для волос, коробочки с пудрой. Всё аккуратно, ничего не разбросано, будто хозяйка просто вышла на минуту и вот-вот вернётся.

Шкаф для платьев оказался заполнен нарядами — бальные платья, повседневные туалеты, домашние капоты. Феофан тщательно проверил каждое, но не обнаружил ничего подозрительного. Никаких следов сборов в дорогу — все чемоданы и дорожные сумки на месте.

Наконец, он подошёл к письменному столу. Здесь царил тот творческий беспорядок, который свойственен людям, ведущим активную умственную жизнь. Книги, раскрытые на разных страницах, нотные тетради, листы с набросками стихов Феофан методично перебирал бумаги, пока не наткнулся на небольшую книжечку в бархатном переплёте — личный дневник, скрытый под стопкой нотных листов.

Открыв его, Феофан начал читать последние записи. Почерк Софьи, аккуратный и ровный в начале дневника, в последних записях становился всё более нервным, неразборчивым, с резкими росчерками. Некоторые фразы подчёркнуты по нескольку раз, некоторые обведены и выделены.

«18 апреля. Сегодня у Строгановых играл удивительный музыкант! Никогда не слышала ничего подобного. Его музыка словно пробуждает что-то в глубине души, что-то древнее и почти забытое. Не могу перестать думать о ней».

«22 апреля. Снова слышу ту мелодию, хотя никто не играет. Она звучит во мне, как будто я сама — музыкальный инструмент. Странное ощущение. Не могу ни с кем поделиться — решат, что тронулась умом».

«27 апреля. Сегодня проснулась в четыре утра от этой музыки. Она становится всё отчетливее. Кажется, она зовёт меня куда-то. Начинаю думать, что действительно схожу с ума».

А на полях последней страницы — набросок, будто лес и скрученные деревья аркой

Феофан медленно провёл рукой над письменным столом, не касаясь поверхности. Затем также осторожно проследовал вдоль книжных полок, прикрывая глаза и слегка запрокидывая голову, словно прислушиваясь к чему-то неслышному для обычного человека. Наконец, остановившись посередине комнаты, он замер, выпрямив спину и опустив руки вдоль тела.

И именно в этот момент он почувствовал это: тонкую вибрацию, прошедшую по коже, словно невидимая паутина. Ничего явного, но его обострённые чувства улавливали странную неправильность, дисгармонию в воздухе комнаты. Будто невидимый музыкант слегка тронул струны арфы, и отзвук этого прикосновения всё ещё витал здесь, несмотря на прошедшие дни.

Феофан закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на ощущении. Годы в монастыре научили его многому. Старец Филарет, человек не только глубокой веры, но и редкого дара духовного зрения, часто беседовал с ним о тайнах мироздания.

«Господь милостив, — говорил старец, сидя под вековым дубом в монастырском саду. — Он соткал бытие из своего духа, и всё в этом мире связано невидимыми нитями. Как рука чувствует холод или тепло, так и душа может чувствовать эти нити. Нужно лишь научиться».



Феофан помнил эти долгие часы обучения. Как старец заставлял его наблюдать за огнём свечи, чтобы научиться видеть не только пламя, но и потоки тепла, колебания воздуха. Как потом учил распознавать присутствие человека в комнате, даже не видя его — по едва уловимым изменениям в эфире. Как объяснял, что люди оставляют следы не только на земле, но и в самой ткани мироздания.

«Бог дал нам дар искать нужную ниточку, — учил Филарет. — Как бабочка находит цветок за версту, так и ты можешь научиться чувствовать то, что скрыто от обычного зрения. Но помни, чадо, этот дар — как нож. Можно хлеб резать, а можно и рану нанести».

Сейчас, стоя в комнате пропавшей девушки, Феофан пытался применить эти уроки. Но то, что он ощущал, ставило его в тупик. Обычно эфирные следы человека представлялись ему тонкими, едва заметными мерцающими нитями — как лёгкая дымка над лугом в ясное утро. Нити расходились от человека во все стороны, соединяя его с предметами, к которым он прикасался, с людьми, о которых думал.

Но в этой комнате всё было иначе. Нити казались странно утолщёнными, вязкими, будто пропитанными чем-то тёмным и тягучим. Они переплетались между собой не в привычном гармоничном узоре, а хаотично, образуя сложные, неестественные сплетения. И что хуже всего — они не уходили в окружающий мир, как должны были бы. Вместо этого они словно исчезали в пустоте, обрывались на полпути, оставляя ощущение неправильности, незавершённости.

Феофан сделал глубокий вдох и попытался проследить одну из нитей — самую яркую, тянущуюся от дневника на столе. Она казалась плотнее других, словно по ней часто проходила какая-то сила. Прослеживая её, он почувствовал странный холодок внутри, как будто прикоснулся к чему-то неживому, нечеловеческому.

Эта нить тянулась к окну, но не выходила наружу, как следовало бы ожидать. Вместо этого она словно уходила в иное измерение, проваливалась в точку рядом с подоконником, исчезая из осязаемого пространства. Феофан никогда прежде не видел ничего подобного. Старец Филарет говорил о различных духовных феноменах, но такое

«Будь осторожен с чуждыми энергиями, — предупреждал старец. — Есть силы, которые притворяются светом, но несут тьму. Они могут оставлять следы, похожие на липкую паутину. Если увидишь такое — не прикасайся душой, отступи и прочти молитву».

Феофан машинально коснулся нательного креста под рубашкой и прошептал молитву, не размыкая губ. Затем он попробовал ещё раз, расширяя своё восприятие.

Теперь он различал больше деталей. Нитей было множество, и все они имели странный синеватый оттенок — не тот тёплый золотистый свет, который обычно исходит от живых существ. Эти нити пульсировали в определённом ритме, словно отбивали такт неслышимой музыки. И этот ритм он был неправильным, диссонансным, вызывающим внутреннее сопротивление, как фальшивая нота в гармоничной мелодии.

Феофан попытался прислушаться к этому ритму, распознать его структуру, но тут же почувствовал лёгкое головокружение и тошноту. Что-то в этих колебаниях было глубоко противоестественным, словно они принадлежали иному миру с иными законами гармонии.

Он попробовал другой подход — не вслушиваться, а просто наблюдать общую картину. Когда-то старец Филарет учил его рисовать ментальные карты увиденного в эфире: «Не пытайся запомнить каждую травинку в поле, — говорил он. — Посмотри на луг целиком, и ты заметишь тропинки, проложенные через него».

Отступив назад и мысленно охватив всю комнату, Феофан увидел, что эти странные нити образуют своего рода воронку. Они закручивались вокруг центральной точки, расположенной примерно там, где стояла кровать девушки. Но воронка эта была не правильной формы — она искривлялась, изгибалась, словно под воздействием какой-то внешней силы.

А ещё Феофан заметил, что сами нити не оставались неподвижными. Они медленно пульсировали, словно дышали, а некоторые едва заметно перемещались, как будто что-то продолжало влиять на них даже сейчас, дни спустя после исчезновения девушки.

Это напомнило ему одну из бесед со старцем, когда тот говорил о времени и его следах в эфире: «Время не течёт прямо, как река, — объяснял старец. — Оно закручивается вокруг важных событий, оставляя водовороты в эфире. Если научишься видеть эти водовороты, сможешь иногда заглянуть в прошлое или предугадать будущее».

Феофан никогда не владел этим искусством в полной мере — ему не хватало опыта и природной чувствительности Турчанинова к таким вещам. Но сейчас, глядя на эти странные эфирные завихрения, он понимал, что стал свидетелем чего-то из ряда вон выходящего.

Особенно его беспокоил цвет нитей. В учении старца Филарета цвета эфирных следов имели большое значение. Золотистый означал божественное присутствие, серебристый — чистую человеческую душу, зеленоватый — связь с природными силами. Но этот синеватый, с холодным металлическим отливом Такой цвет старец связывал с силами, чуждыми человеческому миру, с тем, что в священных текстах именовалось «властями воздушными».

Феофан попытался проследить ещё одну нить, самую толстую и яркую, тянущуюся от дневника с таинственными символами. Но как только его внутреннее зрение коснулось её, он ощутил резкую боль в висках и мгновенно отпрянул, прервав контакт. Что-то в этой нити активно сопротивлялось его вниманию, что-то защищало себя.

Это тоже было необычно. Обычно эфирные следы пассивны — они просто существуют, не реагируя на наблюдателя. Но эти они словно обладали собственной волей. Или кто-то контролировал их на расстоянии.

Феофан открыл глаза, чувствуя лёгкую дрожь во всём теле. Его рубашка под сюртуком промокла от пота, хотя в комнате было прохладно.

«Мне нужен Турчанинов, — подумал он с горечью. — Он бы понял, что всё это значит. Он бы знал, как читать эти знаки».

Но Турчанинова не было рядом, и разбираться в этом эфирном хаосе предстояло ему самому. Или возможно, стоило обратиться к кому-то ещё, кто мог бы помочь расшифровать эти странные следы?

Даже если не можешь понять — запиши! Это было первым правилом, которое Феофан выучил в Особом Отделе. Он потратил несколько минут перерисовывая то, что видел в комнате.

Мысль о предстоящей встрече с Евгенией Белозоровой вдруг показалась не такой неприятной. Возможно, её знания древних языков и ритуалов могли пролить свет на эту тайну. А если она не поможет, то Сергей Александрович обещался помогать, не бросать младшего на произвол судьбы. Быть может, он видел уже такое странное эфирное плетение, сможет подсказать.

Феофан ещё раз окинул комнату взглядом, уже обычным, человеческим, но ощущение неправильности, дисгармонии никуда не делось. Оно осталось с ним, как навязчивая фальшивая нота в прекрасной симфонии — нота, которая портит всё произведение и от которой невозможно избавиться.

Но сейчас, стоя посреди комнаты пропавшей девушки, Феофан чувствовал своё бессилие. Он улавливал отголоски чего-то чуждого, но не мог определить их природу. Турчанинов с его многолетним опытом наверняка сразу бы понял, с чем они имеют дело, но Феофан был ещё слишком неопытен для такой тонкой работы.

Феофан продолжил осмотр, но больше ничего существенного не обнаружил. Он аккуратно положил дневник обратно под нотные листы — пока рано изымать его в качестве улики, это могло спугнуть того, кто, возможно, имел доступ к комнате пропавшей.

Закончив осмотр, Феофан дёрнул за шнур звонка. Через минуту в комнату вошёл полковник Вяземский.

— Нашли что-нибудь? — спросил он с нетерпением.

— Пока трудно сказать, — уклончиво ответил Феофан. — Мне нужно побеседовать с горничной вашей дочери. И с кем-то из тех, кто был на том музыкальном вечере у Строгановых.

— Конечно, — кивнул Вяземский. — Машу я сейчас позову. А что касается вечера — он задумался. — Моя супруга весьма дружна с княгиней Щербатовой, они вместе были у Строгановых. Могу дать вам рекомендательное письмо.

— Буду весьма признателен, — ответил Феофан.

Через несколько минут в комнату вошла девушка лет двадцати, в скромном платье горничной. Её глаза были красными от слёз.

— Это Маша, — представил её Вяземский. — Она прислуживала Софье с детства.

Феофан кивнул:

— Оставьте нас, пожалуйста.

Когда полковник вышел, Феофан жестом предложил девушке сесть на стул у окна, а сам опустился на краешек кровати напротив.

— Расскажите мне о вашей барышне, — мягко попросил он. — Какой она была в последнее время?

Маша теребила край передника, явно волнуясь.

— Софья Николаевна всегда была доброй, — начала она тихо. — Никогда голоса не повысит, всегда спросит, как мои родные поживают. А в последние дни — девушка замялась, — будто подменили её.

— В каком смысле?

— Задумчивая стала, словно не от мира сего. Могла часами сидеть у окна и смотреть на сад, или перебирать одну и ту же мелодию на фортепьяно. А ещё — Маша понизила голос, — мне кажется, она с кем-то разговаривала по ночам.

Феофан подался вперёд:

— Почему вы так решили?

— Я слышала голос из её комнаты, когда приносила горячее молоко перед сном. Но когда входила, барышня всегда была одна. И свечи горели. Она никогда раньше не боялась темноты, а тут стала зажигать все свечи на ночь.

— А эта мелодия, которую она играла Вы можете её напеть?

Маша покачала головой:

— Не могу, ваше благородие. Я не музыкальная. Только помню, что она была — девушка замялась, подбирая слово, — жуткая какая-то. От неё мороз по коже.

Феофан встал и подошёл к окну. За стеклом моросил мелкий дождь, капли стекали по стеклу, искажая вид на сад.

— В ночь исчезновения Вы не слышали ничего необычного? — спросил он, не оборачиваясь.

— Ничего, — ответила Маша. — Я принесла ей молоко, как обычно. Барышня сидела у окна, глядела на сад. Поблагодарила меня и сказала, что больше ничего не нужно. А утром — голос девушки дрогнул, — утром её уже не было.

Феофан повернулся к ней:

— Вы можете вспомнить что-нибудь ещё? Любую мелочь, которая показалась вам странной?

Маша задумалась, потом покачала головой. Следователь кивнул. Он и не рассчитывал на многое.

— Благодарю вас, Маша, — сказал он. — Вы мне очень помогли.

Когда горничная вышла, Феофан ещё раз обвёл взглядом комнату. Что-то ускользало от его внимания, какая-то деталь. Но что именно, он понять не мог. Эта вибрация, этот странный отзвук музыки, которого уже не было, но который всё равно ощущался.

«Если бы Турчанинов был здесь, — снова подумал Феофан с горечью, — он бы сразу понял, в чём дело».

Но Турчанинова не было, и разгадывать эту загадку предстояло ему самому. С тяжёлым сердцем Феофан покинул комнату пропавшей девушки, унося с собой копию странных символов и ощущение нарастающей тревоги.

Уже спускаясь по лестнице, он услышал тихие звуки фортепьяно. Кто-то в доме играл простую, печальную мелодию. Феофан замер на полпути, прислушиваясь. Ничего необычного, обычная грустная музыка, созвучная настроению дома, где пропала молодая девушка. И всё же что-то в этой мелодии казалось знакомым, словно отголосок давно забытого сна.

— Это Анастасия Владимировна, — тихо сказал подошедший Вяземский. — Она каждый день играет эту пьесу. Софина любимая.

Феофан кивнул, отгоняя наваждение. У него было много работы впереди.

— Благодарю вас за содействие, — сказал он полковнику. — Я буду держать вас в курсе расследования.

— Найдите мою девочку, найдите, — голос Вяземского дрогнул. — Это всё, о чём я прошу.

Феофан молча кивнул, не давая обещаний, которые мог не выполнить. Слишком часто в его работе приходилось сталкиваться с трагедиями, слишком часто поиски заканчивались печальными находками.

Но сейчас, выйдя под морозящий петербургский дождь, он чувствовал, что дело Софьи Вяземской иного рода. Девушка не просто исчезла — её увели, заманили, околдовали странной музыкой и таинственными символами.

Натянув шляпу посильнее, он зашагал по мокрой мостовой, думая о странных завихрениях эфира и о том, что нужно как можно скорее показать их кому-то, кто мог бы их опознать. И первым именем, пришедшим на ум, было имя Евгении Александровны Белозоровой, с которой ему предстояло встретиться завтра утром.

## Глава 5: Встреча с Евгенией

Библиотека Особого Отдела представляла собой удивительное сочетание строгости казённого учреждения и уюта старинных книжных хранилищ. Высокие потолки, украшенные лепниной, окна, занавешенные тяжёлыми гардинами, многочисленные стеллажи, заполненные фолиантами в кожаных и парчовых переплётах — всё здесь дышало основательностью и значимостью хранимого знания.

В отличие от публичных библиотек столицы, куда доступ имели все образованные люди Петербурга, сюда могли попасть лишь избранные. Ряды шкафов с особо редкими экземплярами были отгорожены массивными решётками, а некоторые издания и вовсе содержались в отдельных комнатах под замком. Тайное знание, собранное со всего мира, требовало особой защиты — от любопытных глаз и от неосторожных рук.

В дальнем углу библиотеки, у окна, сквозь которое пробивался тусклый утренний свет, стоял массивный стол карельской берёзы. За ним, склонившись над древним фолиантом, сидела молодая девушка. Её каштановые волосы были собраны в простую, но аккуратную причёску, открывая овальное лицо с высоким лбом. Строгое тёмно-синее платье с белым кружевным воротничком подчёркивало серьёзность её занятия. Рядом с раскрытой книгой лежали исписанные листы бумаги и несколько справочников с закладками.

Евгения Александровна Белозорова работала сосредоточенно, изредка делая записи в своей тетради. Иногда она отрывалась, чтобы сверить перевод с одним из словарей, и её карие глаза с золотистыми крапинками внимательно пробегали по строчкам. Руки её двигались ловко и уверенно — привычные к обращению с хрупкими страницами древних манускриптов. Над её правой бровью виднелся едва заметный шрам — след от падения в детстве, придававший лицу особую выразительность.

Внезапно тишину библиотеки нарушил звук открывающейся двери. Евгения подняла голову и увидела двух мужчин, входящих в зал. Одного она хорошо знала — Пётр Николаевич Черноморов, действительный статский советник, начальник Особого Отдела. Высокий, грузный, с густыми чёрными бровями, насупленными даже когда он улыбался, внушал уважение одним своим присутствием. Второй мужчина был ей незнаком — высокий, худощавый, с преждевременной сединой на висках и в круглых очках с тонкой медной оправой. Он держался сдержанно, даже немного отстранённо, словно не желая привлекать к себе лишнего внимания.

Евгения быстро закрыла тетрадь, прикрыла листы с переводом и поднялась навстречу гостям. Её движения были плавными, выдававшими хорошее воспитание.

— Евгения Александровна! — громогласно произнёс Черноморов, шагая к столу. — Вот и вы, голубушка. Всё трудитесь? Как ваш дядюшка поживает?

— Михаилу Александровичу лучше, благодарю вас, — ответила Евгения спокойным, мелодичным голосом. — Доктор говорит, через неделю-другую он сможет вернуться к своим обязанностям.

— Дай-то Бог, — кивнул Черноморов, но в его тоне прозвучало сомнение. — Будто кто отдел наш проклял: половина сотрудников слегла. Сначала Турчанинов с этой чёртовой лихорадкой, теперь и Белозоров

Затем он повернулся к своему спутнику:

— Позвольте представить вам, Евгения Александровна — Феофан Евстигнеевич Полозов, один из наших лучших следователей. Феофан Евстигнеевич, это Евгения Александровна Белозорова, племянница Михаила Александровича. Помогает дядюшке с исследованиями, особенно с переводами древних текстов. Знает семь языков, представьте себе!

Феофан слегка поклонился, не снимая перчаток:

— Весьма рад знакомству, Евгения Александровна.

Евгения ответила лёгким кивком:

— Равно как и я, Феофан Евстигнеевич. Наслышана о вас от Сергея Александровича. Он весьма высокого мнения о ваших способностях.

— Турчанинов слишком добр ко мне, — ответил Феофан, и в его голосе промелькнула нотка смущения.

— Эх, Сергея Александровича нам сейчас очень не хватает, — вздохнул Черноморов, присаживаясь в кресло у стола. — Но что поделаешь, эти петербургские туманы и сырость Не всякое здоровье выдержит.

— Видимо, это расплата за наши прегрешения, Пётр Николаевич, — заметил Феофан с лёгкой полуулыбкой. — Стольким тёмным силам мы дорогу перешли, не удивительно, что они пытаются взять реванш.

— Что ж, может и так, — усмехнулся Черноморов в свою густую бороду. — Но мы не сдаёмся, верно? — Он посмотрел на Евгению. — Евгения Александровна, голубушка, как я понимаю, ваш дядюшка ввёл вас в курс дела? О вашем временном сотрудничестве с Феофаном Евстигнеевичем?

— Да, Михаил Александрович объяснил мне ситуацию, — кивнула Евгения. — Я готова всецело помогать следствию в рамках своих возможностей.

Феофан, стоявший чуть поодаль, внимательно изучал девушку. Он не мог не отметить её собранность и деловой настрой, столь нетипичные для большинства барышень её возраста и положения. Ни жеманства, ни нервозности — лишь спокойная уверенность человека, знающего своё дело. И всё же внутреннее сопротивление не покидало его. Работать в паре с девушкой, проводить с ней время, посещать свидетелей и места происшествия — всё это казалось ему мучительно неудобным, почти неприемлемым.

— Сергей Александрович ввёл вас в курс последних событий? — спросил Черноморов, нарушив неловкое молчание.

— Ещё нет, — ответила Евгения, переводя взгляд на Феофана. — Но я наслышана от дядюшки о пропавших девушках. Полагаю, у вас уже есть определённые наработки?

Феофан невольно отметил проницательность в её взгляде. Не любопытство праздное, а профессиональный интерес — такой же, какой мог бы проявить любой из его коллег-мужчин. Это немного успокоило его, но всё же он не мог избавиться от внутреннего напряжения.

— Есть некоторые зацепки, — сдержанно ответил он. — Сегодня утром я посетил дом Вяземских и осмотрел комнату одной из пропавших. Обнаружил

Он замялся, не зная, стоит ли сразу рассказывать о странных рисунках и эфирных аномалиях.

— Феофан Евстигнеевич — один из наших самых особенных сотрудников, — вмешался Черноморов, с намёком взглянув на Евгению. — Он видит то, что другим не дано.

— Дядюшка упоминал о ваших способностях, — кивнула Евгения. Её тон был спокойным, без тени того суеверного трепета или нездорового любопытства, с которым обычно относились к подобным заявлениям. — В нашем роду тоже есть некоторые особенности. Полагаю, именно поэтому нас и свели.

Феофан вскинул бровь, заинтересованный её словами. О каких «особенностях» рода Белозоровых она говорила? Эта девушка оказалась гораздо сложнее, чем он предполагал.

— Именно так, голубушка, — подтвердил Черноморов, поднимаясь с кресла. — Вы с Феофаном Евстигнеевичем отлично дополните друг друга. Ваши знания древностей и языков да собственные навыки плюс его интуиция, — он хлопнул в ладоши. — Ну-с, я оставлю вас для более детального знакомства. Дела не ждут. Феофан Евстигнеевич, держите меня в курсе, — добавил он и, коротко кивнув обоим, направился к выходу.

Когда дверь за начальником закрылась, в библиотеке воцарилась тишина. Феофан и Евгения несколько секунд изучали друг друга, каждый со своими мыслями.

— Присаживайтесь, Феофан Евстигнеевич, — наконец предложила Евгения, указывая на кресло напротив. — Полагаю, нам есть о чём поговорить.

Феофан помедлил, затем всё же опустился в указанное кресло, сохраняя прямую спину и некоторую дистанцию.

— Должен сразу предупредить, Евгения Александровна, — начал он, тщательно подбирая слова. — Я привык работать один или с Сергеем Александровичем. Не уверен, что наше сотрудничество будет

— Комфортным для вас? — закончила она за него, и в её голосе не было ни обиды, ни раздражения — только понимание. — Мне известна ваша репутация, Феофан Евстигнеевич. Вы избегаете женского общества, и на то, вероятно, есть веские причины. Могу вас заверить, что я не намерена вам навязываться или создавать неудобства. Мы будем работать строго в рамках расследования.

Феофан был удивлён её прямоотой. Ни кокетства, ни обиженных взглядов, ни надутых губ — лишь ясное понимание ситуации и готовность соблюдать границы. Он нервно поправил свои и без того идеально сидящие перчатки.

— Дело не в вас лично, — произнёс он, чувствуя необходимость хоть как-то сгладить своё поведение. — Просто

— Вам не нужно объясняться, — мягко перебила его Евгения. — Уверю вас, я подхожу к нашему сотрудничеству исключительно с профессиональной точки зрения. Вы можете быть спокойны.

Феофан слегка смутился. Обычно его сдержанность и нелюдимость вызывали у окружающих либо любопытство, либо обиду. Но эта девушка, казалось, принимала всё как данность, без лишних эмоций.

— Что ж, — сказал он, доставая из внутреннего кармана блокнот, — тогда перейдём к делу. Сегодня утром я осмотрел комнату Софьи Вяземской, первой из пропавших девушек. Там я обнаружил несколько странностей.

Он раскрыл блокнот на странице, где был тщательно перерисован странный набросок из дневника Софьи.

— Вам знаком этот символ? — спросил Феофан, указывая на рисунок скрученных деревьев, образующих подобие арки.

Евгения склонилась над блокнотом, и её лицо приобрело то сосредоточенное выражение, которое бывает у людей, полностью погружённых в работу. Она изучала рисунок с профессиональным интересом, не выказывая ни страха, ни суеверного трепета.

— Интересно, — произнесла она наконец. — Это изображение встречается в некоторых древних ритуалах Позвольте?

Она протянула руку, и Феофан, помедлив, передал ей блокнот. Евгения осторожно положила его перед собой и начала делать какие-то пометки в своей тетради.

— Деревья, сплетённые в арку, — это какой-то ритуал? — спросил Феофан.

— В различных традициях такие естественные или созданные человеком арки считались границей между мирами. Как мы переходим из комнаты в комнату, так считалось, что можно перейти в иное пространство, — пояснила Евгения, не отрываясь от записей. — Особенно если деревья растут необычным образом, сплетаясь ветвями или стволами. Подобные места описываются в фольклоре многих народов как — она вдруг осеклась и подняла взгляд на Феофана. — Где именно вы нашли этот рисунок?

— В личном дневнике Софьи Вяземской, — ответил Феофан. — В последней записи перед исчезновением.

Евгения нахмурилась, и между её бровями появилась едва заметная морщинка.

— Это тревожно, — сказала она. — Такие символы часто использовались в ритуальных целях. Если кто-то намеренно ищет или создаёт подобные места

— То мы имеем дело с каким-то ритуалом, — закончил за неё Феофан. — Именно такое предположение высказал и Турчанинов. Вопрос только в том, видела ли она эту арку сама, или ей привиделось и это всё фантазии молодой девушки.

Мысль о том, что Турчанинов мог оказаться прав, заставила его внутренне содрогнуться. Но он быстро взял себя в руки, не желая показывать свою тревогу.

— Что ещё вы заметили в комнате пропавшей? — спросила Евгения, внимательно глядя на него. — Ведь было что-то ещё, не так ли?

Феофан немного удивился её проницательности.

— Да, — признал он после небольшой паузы. — Там была странная вибрация. Я ощущал её на уровне эфира. Нечто необычное, искажённое, чуждое. — Он замолчал, не зная, как лучше описать свои ощущения человеку, который, возможно, никогда не сталкивался с подобным.

Но Евгения, казалось, понимала его с полуслова.

— Какого цвета был эфир? — спросила она спокойно, словно речь шла о самой обыденной вещи. — И был ли в нём какой-то ритм?

Теперь настала очередь Феофана удивляться.

— Вы видите эфир? — спросил он, не скрывая изумления.

— Не так, как вы, — ответила Евгения с лёгкой улыбкой. — Но в нашем роду такие способности не редкость. Дядюшка обучил меня некоторым техникам восприятия. — Она сделала паузу. — Так какого цвета был эфир?

— Синеватый, — ответил Феофан, всё ещё пытаясь осознать услышанное. — С холодным, металлическим отливом. И да, в нём был ритм, но неправильный, дисгармоничный, вызывающий тошноту и головокружение.

Евгения кивнула, делая пометки в своей тетради.

— Это необычно, — сказала она задумчиво. — Мне нужно проверить кое-что в библиотеке дядюшки. Там есть редкие тексты о ритуалах, где могут использоваться подобные символы.

Феофан наблюдал за ней с растущим интересом. Эта девушка оказалась не просто хорошо образованной, но и обладающей редкими знаниями и способностями. Возможно, Турчанинов был прав, и их сотрудничество действительно могло оказаться плодотворным.

— Есть ещё кое-что, — произнёс он, решив поделиться с ней всеми деталями. — Все пропавшие девушки посещали музыкальные вечера перед исчезновением. И все упоминали странную музыку, которую продолжали слышать даже после возвращения домой.

— Музыка — Евгения на мгновение задумалась. — Интересно. В некоторых древних текстах упоминается о музыке, способной изменять состояние сознания. Возможно, это как-то связано с вибрациями, которые вы ощутили.

— Вы думаете, музыка может быть частью ритуала? — спросил Феофан с интересом.

— Вполне вероятно, — кивнула Евгения. — Звук и ритм издревле использовались в различных магических практиках. Для вхождения в транс, для изменения восприятия — она на мгновение замолчала, словно что-то вспоминая. — В древних текстах описываются случаи, когда определённые мелодии могли буквально завораживать слушателей. Таких легенд очень много, например, о Садко, о гусях-самогудах, даже есть сказка про музыканта-чародея из Белой Руси, который одним прикосновением к струнам мог заставить плясать всё живое. И не только на наших просторах — девушка сделала многозначительную паузу.

Феофан почувствовал лёгкий холодок. Ему не нравились такие намёки. В вопросах иноземных особых существ он чувствовал себя неуверенно. Да, были разные дела, связанные африканскими масками, ацтекскими ножами, да и разными другими диковинками, но Пока это дело не было похоже ни на одно из тех, в которых он уже участвовал.

— Что ж, — сказал он, поднимаясь, — полагаю, нам стоит проверить эту версию. Вы можете изучить тексты о ритуалах, где используются подобные символы и музыка?



— Конечно, — кивнула Евгения, также вставая. — Я просмотрю все доступные источники. Но нам также стоит посетить музыкальные салоны, где бывали пропавшие девушки. Возможно, мы сможем услышать ту самую музыку.

— Вы правы, — согласился Феофан, хотя перспектива посещения светских мероприятий его не радовала. — Начнём с салона Строгановых — оттуда вернулась Софья Вяземская перед исчезновением.

— Я могу помочь с получением приглашения, — предложила Евгения. — Строгановы — давние знакомые нашей семьи.

Феофан внимательно посмотрел на неё. Эта девушка, внешне такая хрупкая и изящная, обладала удивительной внутренней силой и уверенностью. Он всё ещё испытывал некоторую настороженность, но уже не сомневался в её профессиональных качествах.

— Тогда решено, — произнёс он. — Сначала посетим салон Строгановых. А пока — он протянул руку за своим блокнотом, — я составлю полный отчёт о своём визите к Вяземским для Черноморова.

Евгения передала ему блокнот, и их пальцы на мгновение соприкоснулись через тонкую кожу его перчаток. Феофан мгновенно отдёрнул руку, словно обжёгшись, и на его лице мелькнула тень дискомфорта.

— Прошу прощения, впредь я буду осторожнее, — сказала Евгения, заметив его реакцию, но не выказывая ни обиды, ни любопытства. — Когда закончите с отчётом, сообщите мне. Я буду здесь же, в библиотеке, работать с текстами.

Феофан коротко кивнул, благодарный за её такт, и направился к выходу. Уже у дверей он обернулся:

— Евгения Александровна

— Да? — она подняла на него взгляд от раскрытой книги.

— Я — он замялся, подбирая слова. — Я рад, что вы согласились помочь в этом расследовании. Возможно, Турчанинов был прав, и наше сотрудничество окажется плодотворным.

Лёгкая улыбка тронула её губы:

— Я тоже на это надеюсь, Феофан Евстигнеевич.

Он кивнул и вышел из библиотеки, чувствуя странное смешение чувств. Сомнения всё ещё оставались, но к ним добавилось нечто новое — осторожный профессиональный интерес. Эта девушка была не такой, как он ожидал. И, возможно, вместе они действительно смогут разгадать тайну исчезнувших девушек и той странной музыки, которая звала их куда-то за пределы привычного мира.

## Глава 6: В Особом Отделе

К вечеру того же дня в кабинете действительного статского советника Черноморова собрались сотрудники Особого Отдела. Просторная комната с дубовыми панелями и строгой, но добротной мебелью была наполнена табачным дымом, который клубился под потолком, придавая всему происходящему оттенок таинственности. Огромный стол красного дерева, стоявший посреди кабинета, был завален папками с делами, картами Петербурга и фотографическими карточками пропавших девушек.

Из раскрытого окна тянуло прохладой и влажным запахом набережной. Дождь, шедший с утра, наконец прекратился, но туман, поднимавшийся от Невы, всё густел, заполняя улицы молочной пеленой, за которой едва угадывались очертания домов.

Петр Николаевич Черноморов стоял у окна, заложив руки за спину, и хмуро всматривался в туманную даль. Его массивная фигура отчётливо вырисовывалась на фоне сероватого неба. Когда дверь кабинета открылась, пропуская Феофана и Евгению, он обернулся, и его густые брови чуть приподнялись.

— А, вот и наши молодые коллеги! — воскликнул он, указывая вошедшим на свободные стулья у стола. — Прошу, присаживайтесь. Сейчас и начнём.

За столом уже сидели четверо мужчин, с интересом наблюдавших за вошедшими. Феофан знал их всех, но Евгения встречала их впервые.

Первым поднялся крепкий мужчина средних лет с окладистой рыжей бородой, в которой уже проступала заметная проседь. Его живые карие глаза смотрели цепко и с явным любопытством.

— Алексей Игнатьевич Волков, — представился он, слегка кланяясь Евгении. — Следователь по особо тяжким, к вашим услугам, Евгения Александровна.

— Рада знакомству, — ответила Евгения с лёгким поклоном.

— Берегите нашего монаха, барышня, — добавил Волков с усмешкой, кивая в сторону Феофана. — Он у нас не привычен к женскому обществу. Сидит в своей келье, ровно медведь в берлоге.

— Не слушайте его, Евгения Александровна, — вступил в разговор полноватый молодой человек лет тридцати с русыми коротко стриженными волосами и внимательными голубыми глазами. — Алексей Игнатьевич просто завидует, что Пётр Николаевич именно Феофану Евстигнеевичу доверил такую милую напарницу.

Он поднялся со своего места и церемонно поклонился:

— Дмитрий Семёнович Ладожский, специалист по водной стихии. Весьма польщён знакомством.

— Господа, не смущайте девицу, — вмешался Черноморов. — Евгения Александровна здесь не для светских бесед.

— А для чего же, позвольте узнать? — осведомился третий мужчина, тучный, с густыми чёрными бровями и тяжёлым взглядом. Его щёки были покрыты мелкими красными прожилками, выдававшими пристрастие к горячительным напиткам. — Чем может помочь нежная барышня в расследовании убийств и похищений?

— Аркадий Никодимович, — Черноморов строго взглянул на говорившего, — Евгения Александровна занимается редкими языками и древними текстами. Она помогает своему дядюшке, Михаилу Александровичу Белозорову, в исследованиях. А сейчас, когда он болен

— О, так это племянница нашего учёного затворника! — воскликнул Волков, с новым интересом разглядывая девушку. — Столько о вас наслышаны, Евгения Александровна. Ваш дядюшка постоянно упоминает о ваших успехах в изучении древностей, да только никому вас не показывает. Прямо как Кашей над золотом чахнет.

Евгения слегка покраснела, но выдержала пристальные взгляды.

— Прошу, господа, обращайтесь ко мне просто по имени-отчеству, без титулов, — сказала она спокойно. — И не беспокойтесь, я вполне осознаю серьёзность положения и готова помочь в расследовании всем, чем могу.

Четвёртый мужчина, до сих пор молчавший, внимательно наблюдал за девушкой из-под полуприкрытых век. Его худощавая фигура в безупречно сидящем сюртуке и холёные руки с перстнем-печаткой выдавали в нём человека высокого происхождения. По его тонким губам скользнула еле заметная усмешка.

— Валериан Платонович Званцев, — сказал он, слегка наклоняя голову. — Рад приветствовать в наших рядах представительницу прекрасного пола. Надеюсь, Феофан Евстигнеевич сумеет должным образом защитить вас от неприятных сторон нашей службы.

Пренебрежение в его тоне неприятно царапнуло Феофана, но он не подал виду, лишь чуть заметно нахмурился.

— Благодарю за заботу, — ответила Евгения ровным голосом, — но я вполне способна позаботиться о себе.

Черноморов хлопнул в ладоши, привлекая внимание:

— Господа, к делу. У нас три пропавшие барышни из хороших семей. Полиция разводит руками, а мы получили указание сверху разобраться во что бы то ни стало. Феофан Евстигнеевич, доложите о результатах вашего визита к Вяземским.

Феофан поднялся и кратко, но обстоятельно рассказал об увиденном в доме отставного полковника, о странных символах в дневнике Софьи и о свидетельстве горничной.

— А что говорит наш Серый Волк? — спросил Черноморов, обращаясь к Волкову, когда Феофан закончил. — Нашли след?

Алексей Игнатьевич нахмурился и потерел бороду. Его обычно весёлое лицо стало серьёзным.

— Плохо дело, Пётр Николаевич, — ответил он. — Я со своей стаей все окрестности прочесал — ничего. Собаки кружат у домов пропавших, скулят, но следа взять не могут. Словно девицы не вышли из дома, а испарились.

— Испарились? — переспросил Заварзин с откровенной насмешкой. — Может, вашим псам не хватает выучки и они отвлекаются на мышей и белок?

Волков нахмурился, и его глаза на миг сверкнули нехорошим желтым огнём.

— Мои собаки, Аркадий Никодимович, след мертвеца под двухаршинным слоем земли нашли, — сказал он, сдерживая раздражение. — А тут не пойму. Запах есть в комнате, а дальше обрывается. Будто стена.

— И это не единственная странность, — вступил в разговор Ладожский. — Я понаблюдать за туманом в районах исчезновений. Он ведёт себя необычно.

— Это как же? — поинтересовался Заварзин.

— Туман слишком густой для этого времени года, — ответил Дмитрий Семёнович, — и держится дольше обычного. А вчера, когда я был на Крестовском острове — там живут Лисицыны, — видел в нём странные формы.

— Какие? — спросил Феофан, внимательно глядя на коллегу.

— Силуэты, — ответил Ладожский, и его голубые глаза стали серьёзными. — Женские силуэты, движущиеся по кругу, словно в хороводе. Знаете, удалось даже новую местную легенду услышать: если в туманную ночь прислушаться, можно услышать девичий смех и пение, а если повезёт — увидеть хоровод девушек в белом.

— Пустые рассказы, — фыркнул Заварзин. — Поменьше бы вы слушали нянькины сказки, Дмитрий Семёнович! У нас тут три пропавшие девицы, а не блуждающие призраки.

— Я никогда не утверждал, что видел призраков, — спокойно ответил Ладожский. — Но туманные сгустки формировали отчётливые девичьи фигуры, я готов присягнуть.

— Может, вам просто стоит меньше пить, чтобы подобное не мерещилось? — предположил Заварзин с едкой усмешкой. — Вы хоть и водный маг, но это не повод часто за воротник закладывать.

Ладожский одарил коллегу холодным взглядом, но смолчал.

— Господа, — вмешался Черноморов, — давайте без нападок. Дмитрий Семёнович, вы уверены в том, что видели?

— Абсолютно, — кивнул Ладожский. — Я провёл некоторые замеры эфирных колебаний, результаты в моём отчёте. Туман над Невой ведёт себя так, словно в него вплетается посторонняя энергия. Источник пока отследить не удалось.

— Значит, у нас две мистические версии, — резюмировал Черноморов. — Странный туман и невозможность взять след. А что скажет Валериан Платонович?

Званцев, до этого молчавший, откинулся на спинку стула и сложил пальцы домиком.

— Я полагаю, мы слишком торопимся с фантастическими теориями, — сказал он, растягивая слова. — Девушки вполне могли сбежать добровольно. Нелидова, как известно, была недовольна строгостью отца. Что до странных символов и музыки молодые барышни всегда падки на таинственное и романтическое.

— А что объясняет обрыв следа и странное поведение тумана? — спросил Феофан.

— След мог быть уничтожен намеренно — умный преступник всегда замечает за собой. Я сходу могу вам пару ритуалов сокрытия следов набросать, — ответил Званцев. — Что до тумана — он слегка пожал плечами, — наш уважаемый Дмитрий Семёнович мог просто принять за фигуры обычные туманные завихрения.

— Я знаю, что видел, — твёрдо сказал Ладожский.

— Позвольте высказаться, господа, — подал голос Заварзин. — Я считаю, что это дело следует передать обычной полиции. Нет никаких оснований предполагать вмешательство сверхъестественных сил. — Последние слова он произнёс с явной насмешкой. — Скорее всего, мы имеем дело с обычным похитителем, возможно, работником. С тем же успехом можно предположить, что девушек украли цыгане или они сами сбежали с любовниками.

— Не хочу вас расстраивать, Аркадий Никодимович, — заметил Волков, — но обычная полиция уже расписалась в бессилии. Поэтому дело и передали нам.

— И я напомню, — добавил Черноморов, — что приказ поступил сверху. Директор Департамента лично просил разобраться. Так что, Аркадий Никодимович, вопрос о передаче дела не стоит.

Заварзин заметно помрачнел, но спорить не стал.

— Что ж, — продолжил Черноморов, — у нас есть несколько версий. Предлагаю каждому из вас сосредоточиться на своём направлении. Алексей Игнатьевич, продолжайте поиски следов. Дмитрий Семёнович, изучайте туман и все связанные с ним аномалии. Валериан Платонович, проверьте версию о добровольном исчезновении или похищении с целью работы. Аркадий Никодимович, используйте свои связи в обычной полиции — возможно, у них есть информация, которая не попала в официальные отчёты.

Присутствующие кивнули, принимая распоряжения.

— А что касается вас, Феофан Евстигнеевич, и вас, Евгения Александровна — Черноморов задумался на мгновение. — Займитесь музыкальной версией. Посетите дома и салоны, где бывали девушки перед исчезновением. Возможно, именно там вы найдёте недостающее звено.

— Будет исполнено, — коротко ответил Феофан.

— Кстати, — не удержался Волков, подмигивая Феофану, — Пётр Николаевич определённо знает, как подсластить пилюлю. Лучше визиты в музыкальные салоны с прелестной барышней, чем копать в грязи, как некоторым из нас, а?

— Не завидуй, Алёшка, — хмыкнул Ладожский. — Просто Пётр Николаевич знает, что для такого дела нужен особый склад ума. Не твой звериный нюх и не моя водная магия, а нечто более утончённое, я бы сказал даже, змеистое.

— Господа, господа, — с наигранной строгостью одёрнул их Черноморов, — не смущайте наших молодых коллег. Феофан Евстигнеевич у нас монах почти что, а Евгения Александровна — барышня из порядочной семьи.

— Не беспокойтесь, Пётр Николаевич, — сказал Волков, усмехаясь в бороду. — Мы просто радуемся за Феофана. Наш змей-горыныч наконец-то выползет из своего логова. Хотя, — он обернулся к Евгении, — будьте осторожны, Евгения Александровна. Как бы наш отшельник вас не околдовал.

Феофан бросил на Волкова предостерегающий взгляд, но тот лишь широко улыбнулся в ответ:

— Да ладно тебе, Феофан Евстигнеевич, не сверкай глазами. Мы же знаем, что ты у нас серьёзный. — Он повернулся к Евгении: — А вы, барышня, всё-таки поосторожнее. Вот выздоровеет Михаил Александрович, выпет нам всем горячих, если с его племянницей что случится. Особенно нашему змею-горынычу.

— С чего это вы меня так величаете? — наконец не выдержал Феофан.

— А как же? — удивился Волков. — Огонь из глаз, молнии из рук. Чем не дракон из сказки?

— Перестаньте паясничать, Алексей Игнатьевич, — вмешался Званцев. — У нас серьёзное дело, а вы тут сказки рассказываете.

— А вы, Валериан Платонович, не будьте таким букой, — парировал Волков. — Не всё же нам вокруг трупов ходить. Должно быть в нашей службе и что-то светлое.

Черноморов ударил ладонью по столу, призывая к порядку.

— Довольно, господа! На сегодня совещание окончено. Жду от каждого отчёта о проделанной работе. Феофан Евстигнеевич, Евгения Александровна, задержитесь.

Когда остальные сотрудники покинули кабинет, Черноморов повернулся к оставшимся:

— Не обращайтесь на их подначки, особенно на Волкова. Сердце у него доброе, но язык острый. А Заварзину и Званцеву просто не нравится идея мистического заговора. Один по долгу службы привык всё объяснять земными причинами, другой — он помедлил, — другой имеет свои резоны не верить в сверхъестественное.

— Мне показалось, что господин Званцев относится к идее магии скептически, — заметила Евгения. — Странно для сотрудника Особого Отдела.

— Чистая кровь не всегда дарует и силу, — ответил Черноморов с лёгкой грустью. — Валериан Платонович из древнего рода, но его дар угасает. Впрочем, он всё равно ценный сотрудник. Связи в высшем свете, аналитический ум. Но хватит об этом. — Он посмотрел на часы. — Время позднее. Завтра у вас много работы. Феофан Евстигнеевич, проводите Евгению Александровну домой. И будьте осторожны — туман сегодня особенно густой.

— Спасибо, Пётр Николаевич, но я могу добраться сама, — начала Евгения.

— И слышать не хочу, особенно сейчас, когда девушки пропадают! — отрезал Черноморов. — Самое меньшее, что мы можем сделать для племянницы больного сотрудника — обеспечить ей безопасный путь домой. Тем более в такие беспокойные времена.

Выйдя из здания Особого Отдела, Феофан и Евгения оказались в плотном тумане, который, казалось, жил своей жизнью. Фонари на набережной горели тускло, их свет едва пробивался сквозь влажную мглу, создавая вокруг себя призрачные ореолы. Извозчиков в такую пору уже не было, и им предстояло идти пешком.

— Вы не замёрзнете? — спросил Феофан, заметив, что на Евгении лишь лёгкая накидка.

— Нет, я не боюсь холода, — ответила она. — Особенно майского.

Они шли молча, слушая, как их шаги эхом отдаются от мостовой. Феофан держался чуть поодаль, сохраняя приличествующее расстояние, но внимательно наблюдая за окружающим туманом. Что-то в его плотных завихрениях казалось ему неестественным, как будто мягкая пелена скрывала за собой движение невидимых существ. Полуприкрыв глаза, он попытался сосредоточиться на эфирных потоках, как учил его старец Филарет: «Не смотри глазами телесными, смотри глазами души». Обычно Феофан легко улавливал людские следы в эфире — золотистые или серебристые нити, расходящиеся от живых существ, или тёмные, истончающиеся — от умерших. Но туман туман был другим. Сотканный из воды, элемента ему чуждого, он словно дразнил и насмехался над его попытками проникнуть в свою суть.

Эфирные течения в тумане напоминали перепутанный клубок змей — они извивались, переплетались, расходились и вновь сливались, создавая хаотичные узоры, которые сознание отказывалось воспринимать. Феофан чувствовал, как при каждой попытке углубиться в структуру тумана его виски начинали пульсировать тупой болью. «Ладожский бы разобрался с первого взгляда, — подумал он с досадой. — Вода — его стихия, его родная среда». Сам же Феофан, со своим огненным наследием, был слишком далёк от водной природы тумана, можно сказать, был полностью противоположным. Его дар, связанный с молниями и огнём, здесь не помогал — напротив, казалось, туман намеренно искажался, чтобы сбить его с толку.

Он попробовал использовать другой подход, которому его научил Турчанинов: вместо того чтобы пытаться увидеть чужую стихию изнутри, наблюдать за её воздействием на окружающее пространство. И действительно, там, где клубы тумана касались металлических решёток или каменных стен домов, проявлялись странные искажения — камень словно слегка светился, а металл покрывался тончайшей плёнкой инея, несмотря на тёплый майский вечер. Это было неправильно. Неестественно.

И всё же, несмотря на трудности, он продолжал наблюдать, подмечая неестественные завихрения, странные сгущения, а главное — ощущая неотступное присутствие чего-то чуждого, наблюдающего из-за влажной пелены. Ощущение было таким отчётливым, что несколько раз Феофан инстинктивно оборачивался, ожидая увидеть кого-то за спиной, но улицы оставались пустынными.

— Вы тоже это чувствуете? — вдруг спросила Евгения, словно прочитав его мысли.

— Что именно? — переспросил Феофан, хотя уже догадывался, о чём речь.

— Туман. Он неправильный. Словно наблюдает за нами.

Феофан мысленно отметил её наблюдательность. Большинство обычных людей не заметили бы ничего необычного.

— Да, — признал он. — Что-то в нём не так. Слишком живой.

Они замолчали. Впереди показался дом Белозоровых — добротный особняк в стиле позднего классицизма, украшенный колоннами у парадного входа.

— Благодарю за сопровождение, Феофан Евстигнеевич, — сказала Евгения, останавливаясь у ворот. — Надеюсь, совместная работа будет плодотворной.

— И я на это надеюсь, — ответил Феофан, слегка кланяясь. — Доброй ночи, Евгения Александровна.

— Доброй ночи.

Она скрылась за воротами, а Феофан ещё некоторое время стоял, вглядываясь в тающий в тумане силуэт дома.

Пройдя несколько шагов по направлению к своей квартире, Феофан вдруг замер. Ему показалось, что в клубах тумана промелькнуло белое платье и женская фигура. Он резко повернулся, но увидел лишь пустую улицу, окутанную густой мглой. Возможно, ему просто померещилось. Или Феофан тряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли. В такую ночь легко вообразить то, чего на самом деле нет.

Однако чувство, что за ним наблюдают из тумана, не покидало его всю дорогу домой.

## Глава 7: Воспоминания

Май выдался промозглым. В такие дни Феофану особенно трудно было сохранять присутствие духа. Что-то в сырости и тумане будило в нём смутные, тревожные воспоминания, с которыми он боролся все эти годы.

Вернувшись в свою квартиру после визита к Турчанинову и долгого дня в канцелярии, Феофан почувствовал, как усталость наваливается свинцовой тяжестью. Он медленно снял пальто, аккуратно повесил его на деревянную вешалку у двери, затем стянул перчатки и положил их на маленький столик в прихожей. Только в собственном жилище он мог позволить себе обходиться без них — постоянной защиты и напоминания о своей особой природе.

Квартира Феофана Евстигнеевича располагалась в скромном доме на одной из тихих улочек Васильевского острова. Три небольшие комнаты, меблированные лишь самым необходимым, более напоминали монастырскую келью, чем жилище столичного чиновника. Простая кровать, покрытая суконным одеялом, книжный шкаф с трудами по истории, теологии и житиями святых, письменный стол с чернильницей и стопкой бумаг, пара стульев и небольшой диван, на котором он почти никогда не принимал гостей. На жёстких подушках разве что сиживал дорогой гость Турчанинов, да бесцеремонный Волков. В углу гостиной висели две иконы — Спасителя и Божией Матери Владимирской, перед которыми теплилась неугасимая лампада.

Феофан растопил печь, вскипятил воду для чая и переоделся в домашний халат. Пока огонь разгорался в маленькой печи, наполняя комнату теплом и потрескиванием поленьев, он присел за стол и раскрыл папку с материалами по делу о пропавших девушках. Но мысли его против воли возвращались к прошлому, взбудораженные сегодняшним визитом к Турчанинову и рассказом о странной музыке, околдовавшей несчастных барышень.

Музыка Та самая ночь тоже была наполнена звуками — сначала тонкими, почти неуловимыми, а затем грохотом грома и шумом дождя. И Лизонька тогда сказала Феофан поднял глаза от бумаг и уставился в окно, где стекали по стеклу капли, собравшись от тумана и рисуя причудливые узоры, словно пытаясь что-то ему рассказать.

Он помотал головой, отгоняя непрошенные мысли, и попытался сосредоточиться на записях, но слова расплывались перед глазами. Изнурённый долгим днём и тяжёлыми раздумьями, Феофан решил, что сегодня уже не сумеет продвинуться в расследовании. Вместо этого он встал, подошёл к иконам и опустил на колени.

— Господи, дай мне силы, — прошептал он, осеняя себя крестным знамением. — Помоги мне найти этих девушек, убереечь их от зла, что затаилось в тумане.

Молитва лилась из его сердца привычно и легко — годы, проведённые в монастыре, оставили неизгладимый след в его душе. Каждый вечер, независимо от обстоятельств, он проводил не менее часа в молитвенном сосредоточении, следуя правилу, данному ему старцем Филаретом. Обычно это помогало успокоить разбушевавшиеся мысли, найти внутреннюю тишину. Но не сегодня.

Сегодня образы прошлого были слишком назойливы. Может быть, виной тому было сходство нынешнего дела с тем, давним, случившимся под Строгино двенадцать лет назад? Или, быть может, нынешняя погода так напоминала ту роковую ночь? Закончив молитву, Феофан прилёг на кровать, не раздеваясь, надеясь, что усталость возьмёт своё и подарит ему благословенное забвение сна.

Но сон не шёл. Лёжа с закрытыми глазами, он слышал, прямо всем своим существом чувствовал, как ворочается за стенами густой туман, словно какое-то мифическое чудовище. И с каждым мгновением он всё глубже погружался в воспоминания, которые старался похоронить все эти годы

Владимирская губерния, монастырь Святого Николая, 187\* год

Гром грохотал над монастырскими стенами, заставляя вздрагивать оконные стёкла в братском корпусе. Юный послушник Феофан сидел в своей крохотной келье, прижавшись спиной к стене и закрыв уши ладонями. Его глаза были зажмурены, губы беззвучно шевелились в молитве, а из груди вырывалось тяжёлое, прерывистое дыхание.

— Господи, помилуй Господи, помилуй — шептал он, раскачиваясь взад-вперёд.

В такие ночи, когда небо раскалывалось от молний, а воздух звенел от напряжения, его особая природа пробуждалась с новой силой. Он чувствовал, как по рукам пробегают мелкие искры, как под кожей зарождается та странная, опасная сила, которая когда-то погубила Лизоньку. Только постоянная молитва и железная воля помогали ему сдерживать своё проклятие.

Ещё один раскат грома, особенно оглушительный, заставил его вскрикнуть. В этот момент дверь кельи отворилась, и на пороге появился высокий старец с длинной седой бородой, ниспадавшей до пояса, и глубокими, мудрыми глазами, которые, казалось, могли заглянуть в самую душу.

— Феофан, чадо, — тихо произнёс старец Филарет, закрывая за собой дверь. — Другие послушники слышали твой крик.

Юноша поднял на него глаза, полные страдания и страха:

— Отче простите я пытался, но эта гроза

Старец кивнул с пониманием и опустился рядом с ним на простой деревянный табурет:

— Знаю. Твоя природа отзывается на стихию. Это испытание послано тебе Господом, чтобы ты укрепился в вере.

— Я боюсь, отче, — признался Феофан, стыдливо опуская глаза. — Боюсь, что оно вырвется снова. Что я снова причиню кому-то вред.

Филарет положил морщинистую руку на плечо юноши:

— Страх — не лучший советчик, чадо. Господь не посылает испытаний сверх наших сил. Он видит твоё сердце, твоё раскаяние. И если Он дал тебе этот крест, значит, дал и силы его нести.

Новая вспышка молнии осветила келью призрачным голубоватым светом. Феофан вздрогнул и инстинктивно сжал кулаки, борясь с нарастающим внутри напряжением.

— Но я недостоин, отче, — прошептал он. — После того, что сделал

— Никто из нас не достоин Божией милости, — ответил старец. — И всё же Он дарует её нам по Своей благодати. — Он помолчал, вслушиваясь в шум дождя за окном. — Знаешь, Феофан, иногда мне кажется, что твой дар дан тебе не в наказание, а для особой цели.

— Какой цели, отче? — Феофан поднял на него недоумённый взгляд. — Разве может быть добро от силы, которая несёт лишь разрушение?

— Меч может убить — но может и защитить, — ответил старец. — Всё зависит от руки, которая им управляет, и сердца, которое направляет эту руку. — Он внимательно посмотрел на юношу. — Четвёртый год ты живёшь среди нас, ищешь покаяния и смирения. Но иногда я думаю: не ищешь ли ты лишь бегства от мира и от себя самого?

— Я хочу служить Богу, — твёрдо сказал Феофан. — Хочу искупить свой грех. Здесь, в стенах обители

— Бог везде, — мягко перебил его старец. — И служить Ему можно по-разному. Не всегда монастырские стены — единственный путь к спасению.

Феофан растерянно смотрел на старца:

— О чём вы говорите, отче?

Филарет вздохнул:

— К нам опять приезжал человек из Петербурга. Ты его помнишь — Сергей Александрович Турчанинов.



— Помню, — кивнул Феофан, и тень прошла по его лицу. — Тот следователь

— Он служит в особом ведомстве, — продолжал старец. — Они защищают людей от сил, подобных тем, что погубили твою девушку. И он считает, что ты мог бы помочь в этом деле.

— Я?! — воскликнул Феофан с испугом. — Но как? Я я не могу вернуться в мир, отче. Не после того, что случилось.

— Послушай меня, чадо, — голос старца стал серьезнее. — Я много молился о тебе, искал воли Божией в твоём деле. И мне кажется, что Господь даровал тебе особый дар не для того, чтобы ты скрывал его за монастырскими стенами, а чтобы ты научился владеть им и использовать во благо.

Гром громыхнул над крышей, и Феофан снова вздрогнул, но уже не так сильно — присутствие старца действовало на него успокаивающе. Искры поутихли плясать на кончиках пальцев.

— Но вы только посмотрите, я не справляюсь, — сказал он с горечью. — Что, если я снова причину кому-то вред?

— Для того и нужен наставник, — ответил Филарет. — Турчанинов — опытный человек, он знает о таких, как ты. Он поможет тебе понять твою природу, научит контролировать дар.

— Вы отсылаете меня? — в голосе Феофана прозвучала обида и страх.

— Нет, чадо, — старец положил руку ему на плечо. — Я предлагаю тебе иное послушание.

Феофан молчал, глядя в пол. Мысль о возвращении в мир, в обычную жизнь, пугала его до дрожи. Он привык к размеренному ритму монастырской жизни, к тишине и уединению, к молитвам и тяжёлому труду. Как он сможет жить среди людей, зная, какая опасность таится в нём?

— Подумай об этом, — мягко сказал старец, поднимаясь. — Не спеши с решением. Молись и проси у Господа наставления. Он укажет тебе путь.

Когда Филарет ушёл, Феофан остался сидеть в полумраке кельи, слушая, как постепенно затихает гроза. Мысли его были в смятении. С одной стороны, слова старца о служении в миру заронили в его сердце неожиданную надежду — может быть, его проклятие действительно могло стать даром? Может быть, он мог искупить свою вину не бегством от мира, а служением ему?

Но с другой образ Лизоньки, её безжизненного тела на мокрой траве, не отпускал его. Как он мог гарантировать, что подобное не повторится? Как мог доверять себе, если его собственная природа была ему враждебна?

Спустя несколько дней, когда грозы давно отгремели и установилась ясная погода, Феофан попросил у настоятеля разрешения выйти за пределы монастыря. Он направился к небольшой деревянной церкви, стоявшей на холме в версте от обители. Там, в одиночестве, он надеялся обрести ясность мысли.

Церковь была пуста в этот час. Феофан опустился на колени перед образом Спасителя и замер в молитве. Он молился долго, горячо, прося указать ему верный путь.

Когда же он поднял глаза, то увидел, что в церкви он больше не один. У дверей стоял Турчанинов — высокий, прямой, в строгом дорожном костюме. Его серые глаза внимательно наблюдали за юношей.

— Простите за вторжение, — сказал следователь, подходя ближе. — Отец Филарет сказал, что я могу найти вас здесь.

Феофан поднялся с колен, чувствуя странное смущение:

— Сергей Александрович я не знал, что вы всё ещё здесь.

— Я приехал вчера вечером, — Турчанинов остановился в нескольких шагах от него. — Хотел поговорить с вами ещё раз, прежде чем вернуться в столицу.

Феофан молча кивнул, не зная, что сказать. Присутствие этого человека всегда вызывало в нём противоречивые чувства — и благодарность за спасение в ту страшную ночь, и страх перед тем, что он мог знать о его истинной природе.

— Отец Филарет сказал мне, что говорил с вами о возможной службе, — продолжил Турчанинов, глядя на образа, а не на юношу. — Что вы думаете об этом?

— Я не знаю, — честно ответил Феофан. — Я не уверен, что готов к возвращению в мир. И я опасаюсь своей природы.

Турчанинов повернулся к нему:

— Ваша природа, Феофан Евстигнеевич, не проклятие, а дар. Редкий и ценный. Вы можете сделать много добра, если научитесь им управлять.

— Или много зла, — тихо возразил Феофан. — Вы видели, что случилось с случилось тогда Видели, на что я способен.

— Видел, — кивнул Турчанинов. — Но я видел и то, что вы не хотели этого. Что вы страдаете от случившегося больше любого наказания. — Он сделал паузу. — И ещё я видел, как те люди в лесу использовали свою силу сознательно, без угрызений совести, погубив пятерых невинных девушек.

Феофан вздрогнул:

— Тех, что танцевали в кругу?

— Да, — Турчанинов нахмурился. — Это был древний ритуал, о котором я не стану говорить подробнее. Но поверьте, Феофан Евстигнеевич, эти люди всё ещё на свободе. И они продолжают свои тёмные дела.

Феофан почувствовал, как внутри поднимается странное чувство — не страх и не гнев, а что-то иное, чему он не мог найти названия.

— Вы ищете их? — спросил он.

— Все эти годы ищу без устали, — кивнул Турчанинов. — Но они хорошо прячутся, следы исчезают — время-то ничего не щадит. А в одиночку сложно противостоять таким силам.

Они помолчали. Сквозь узкие окна церкви проникали косые лучи вечернего солнца, окрашивая внутреннее пространство в тёплые, золотистые тона. В этом свете суровое лицо следователя казалось мягче, человечнее.

— Я не призываю вас принимать решение немедленно, — сказал Турчанинов. — Подумайте. Взвесьте всё. В Отделе вы найдёте не только службу, но и понимание. Там работают люди особые. Каждый со своим даром и своим бременем.

— А если — Феофан запнулся, подбирая слова, — если моя сила вырвется снова? Если я не смогу контролировать её?

— Филарет говорил, что заложил основы, что он в вас уверен. Мы научим вас остальному, — твёрдо сказал Турчанинов. — У нас есть опыт работы с подобными проявлениями. К тому же, — он позволил себе лёгкую улыбку, — с такими способностями как ваши у нас в отделе ещё никого нет.

Феофан невольно улыбнулся в ответ, но сразу же стал серьёзным:

— Мне нужно подумать, Сергей Александрович. Помолиться.

— Конечно, — кивнул следователь. — Я уезжаю завтра утром, но вот, — он протянул Феофану визитную карточку, — здесь мой адрес в Петербурге. Если решите принять моё предложение или просто захотите поговорить, прошу, напишите мне.

Феофан принял карточку, ощущая странный трепет. На плотной бумаге каллиграфическим почерком было выведено: «Сергей Александрович Турчанинов, Особый Отдел Императорского сыска, Санкт-Петербург».

— Благодарю вас, — сказал Феофан, бережно убирая карточку в карман подрясника. — Я подумаю.

Турчанинов кивнул, а затем, помедлив секунду, произнёс:

— Знаете, Феофан Евстигнеевич, я не силен в богословии и не берусь судить о путях Господних. Но иногда мне кажется, что самым большим нашим грехом является не использовать дарованные нам таланты из страха перед ними.

С этими словами он поклонился и вышел из церкви, оставив Феофана в смятении чувств.

Уже вечером, вернувшись в монастырь, Феофан нашёл старца Филарета у колодца, где тот набирал воду для вечерней трапезы.

— Отче, — сказал Феофан, подойдя к нему, — я много думал о вашем предложении о словах Сергея Александровича.

Старец внимательно посмотрел на него:

— И что же ты решил?

— Я боюсь, отче, — признался Феофан. — Боюсь мира, боюсь своей природы. Но ещё больше я боюсь — он запнулся, — боюсь, что бегу от ответственности, что прячусь здесь не ради служения Богу, а ради собственного спокойствия.

Филарет улыбнулся:

— Ты мудреешь, Феофан. Осознание собственных страхов — первый шаг к их преодолению.

— Я ещё не принял решения, — сказал Феофан. — Но я начинаю думать, что, может быть, мой дар — не случайность. Что, может быть, в этом есть какой-то замысел.

— Господь не создаёт ничего без цели, — кивнул старец. — Даже то, что кажется нам проклятием, может обернуться благословением, если мы найдём ему правильное применение.

— Тогда если я решу принять предложение Турчанинова, вы благословите меня?

— Если таким будет твоё решение, и если я увижу, что оно исходит из чистого сердца, а не из малодушия или гордыни, — ответил старец, — то да, благословлю. — Он положил морщинистую руку на плечо юноши. — Но помни: куда бы ты ни пошёл, что бы ни делал, Господь всегда с тобой. И я — тоже.

В эту ночь Феофан почти не спал. Мысли о будущем, о возможной службе в таинственном Особом Отделе, о новой жизни в Петербурге смешивались с воспоминаниями о прошлом, о Лизоньке, о страшной ночи в лесу. Он метался между страхом и надеждой, между сомнениями и решимостью.

А на рассвете, когда первые лучи солнца озарили купола монастыря, он принял решение. И спустя несколько недель, получив благословение старца, отправился в далёкий Петербург, чтобы начать новую главу своей жизни — главу служения и искупления.

Воспоминания были настолько яркими, что Феофан не заметил, как задремал. Проснулся он внезапно, словно от толчка. За окном по-прежнему лил дождь, а в комнате царил полумрак — единственным источником света была лампада перед иконами.

Феофан поднялся с кровати и подошёл к окну. Что-то разбудило его, какое-то странное чувство, которое он не мог определить. Он взгляделся в серую пелену дождя и тумана, окутавшую улицу.

И вдруг увидел.

Белое платье мелькнуло в тумане напротив его окна. Женская фигура, неясная и размытая, словно сотканная из тех же клубов тумана, стояла под фонарём, глядя прямо на его окно. Феофан не мог различить черты лица, но что-то в этой фигуре показалось ему до боли знакомым. Сердце его заколотилось, как сумасшедшее.

— Лизонька? — прошептал он, не веря своим глазам.

Фигура сделала едва заметное движение, словно кивая, а затем повернулась и медленно двинулась прочь, растворяясь в тумане.

Не отдавая себе отчёта в своих действиях, Феофан бросился к двери, схватил пальто и выскочил на улицу, забыв даже надеть перчатки. Туман словно вата забивался в лёгкие, но он не обращал на это внимания, отчаянно вглядываясь в серую пелену.

— Лизонька! — крикнул он в пустоту. — Постой!

Ему показалось, что вдалеке снова мелькнуло белое платье и длинная коса, и он бросился туда, не разбирая дороги. Но сколько бы он ни бежал, призрачная фигура всегда оставалась на том же расстоянии, словно дразня его, маня за собой в глубину тумана.

Наконец, совершенно выбившись из сил, Феофан остановился посреди пустынной улицы. Туман становился всё гуще, превращая фонари в размытые жёлтые пятна. Феофан тяжело дышал, его промокшее пальто отяжелело и липло к телу.

— Что это было? — прошептал он. — Галлюцинация? Призрак? Или или кто-то намеренно заманивал меня?

Последняя мысль заставила его насторожиться. Что, если то, что он видел, было не призраком Лизоньки, а чем-то иным — приманкой, ловушкой, созданной теми же силами, что похитили трёх девушек? Что, если и их заманили подобным образом, играя на их чувствах, показывая им то, что они желали увидеть больше всего?

Он огляделся, пытаясь понять, куда забрёл. Незнакомая улица, знакомые дома. Туман искажал очертания, делая всё вокруг чужим и враждебным. И впервые с той ночи в Строгино Феофан ощутил подлинный, животный страх. Не за себя — за тех, кто уже исчез в тумане, и за тех, кто мог стать следующими жертвами.

— Я найду вас, — прошептал он, не зная точно, к кому обращается — к призраку Лизоньки, к пропавшим девушкам или к тем неведомым силам, что стояли за всем этим. — Клянусь, я найду вас всех.

Повернувшись, он медленно пошёл обратно, ориентируясь по смутным очертаниям домов. Каждый шаг давался с трудом, словно туман стал вязким, как болотная жижа. А когда он обернулся в последний раз, ему показалось, что где-то вдалеке, едва различимый сквозь пелену, вновь мелькнул силуэт в белом платье, но уже в другой стороне.

Феофан остановился, вглядываясь в туман. И в этот момент порыв ветра на мгновение разогнал серую пелену, позволив ему увидеть не одну, а несколько женских фигур, стоящих полукругом, словно в хороводе. Их белые платья трепетали на ветру, волосы развевались, но лиц он не мог разглядеть.

А затем туман сомкнулся вновь, скрывая видение. Феофан постоял ещё несколько мгновений, вглядываясь в молочную пелену, но больше ничего не увидел. Только порывистый ветер трепал полы его промокшего пальто, да на коже ощущалось лёгкое покалывание — верный знак того, что рядом происходило нечто необычное.

«Не может быть, чтобы мне просто померещилось», — думал он, медленно возвращаясь к своей квартире. Слишком отчётливым было видение, слишком сильным — ощущение присутствия иной силы. Такой знакомой и вместе с тем чуждой.

Было уже далеко за полночь, когда Феофан наконец добрался до дома. Он вошёл в квартиру, оставляя мокрые следы на деревянном полу прихожей, и тяжело опустился на стул. Руки его дрожали — не от холода, а от внутреннего волнения. Он должен был понять случившееся, разобраться, увязать увиденное с делом о пропавших девушках.

Но сил на размышления уже не оставалось. Усталость взяла своё — он едва успел переодеться в сухое и рухнул в постель, уже не тревожимый ни воспоминаниями, ни видениями. Последней его мыслью перед тем, как провалиться в глубокий сон, было: «Завтра нужно будет рассказать Турчанинову и, возможно, Евгении Александровне».

## Глава 8. Новый день

Утро выдалось на удивление ясным. Словно вся влага, скопившаяся над Петербургом, излилась за ночь, оставив город чистым и умытым. Солнце играло в лужах, а воздух, обычно тяжёлый от испарений, казался лёгким и звонким.

Феофан проснулся с первыми лучами, чувствуя себя отдохнувшим, но с тяжёлым сердцем. Ночное происшествие, казавшееся в темноте таким значительным, при свете дня могло показаться лишь игрой воображения, но внутреннее чутьё подсказывало ему, что он действительно столкнулся с чем-то необычным.

Он быстро умылся, оделся и совершил утреннее правило, обращаясь к иконам. Сегодня предстоял сложный день — встреча с Евгенией Александровной в библиотеке Отдела, затем, возможно, новые визиты к семьям пропавших девушек. Но прежде нужно было навестить Турчанинова, рассказать ему о ночном видении.

Выйдя на улицу, Феофан глубоко вдохнул свежий воздух. После ночного дождя город казался другим — вымытым, обновлённым. Даже строгие фасады домов словно посветлели. Только там, где улица спускалась к каналу, ещё видны были клочья тумана, цеплявшиеся за тёмную воду.

Феофан поёжился, глядя на эти остатки ночной мглы. В солнечном свете они выглядели безобидно, но он-то знал, что скрывалось в их глубине. Или думал, что знал.

«Я найду вас», — мысленно повторил он своё ночное обещание, глядя на тающий туман. — «Кем бы вы ни были, что бы ни замыслили, я найду вас и остановлю».

С этой твёрдой решимостью Феофан Евстигнеевич направился к дому Турчанинова, навстречу новому дню и новым испытаниям в этом странном деле.

Турчанинов встретил его в халате, полулежа в постели, с книгой в руках и чашкой травяного отвара на прикроватном столике. Его лицо казалось ещё бледнее, чем вчера, а глаза лихорадочно блестели, но в них сохранялась прежняя острота взгляда.

— Феофан Евстигнеевич! — воскликнул он, увидев вошедшего. — Что-то вы рано сегодня. Случилось что-нибудь?

Феофан сел в кресло у кровати, внимательно глядя на наставника:

— Сергей Александрович, вчера ночью я видел нечто необычное. И мне кажется, это связано с нашим делом.

Он подробно рассказал о призрачной фигуре в белом, о том, как пытался преследовать её, и о других женских силуэтах, мелькнувших в тумане. С каждым его словом лицо Турчанинова становилось всё серьёзнее, складка между бровями углублялась.

— Вы уверены, что это не было простым наваждением? — спросил он, когда Феофан закончил. — После утомительного дня, напряжённой работы мысли

— Я не исключаю такой возможности, — признал Феофан. — Но всё было слишком реальным. Я чувствовал присутствие иной силы, Сергей Александрович. Что-то пыталось выманить меня в туман, играя на моих чувствах, на моей вине. Как будто прочитал что-то в моей душе, и подцепил меня на крючок.

Турчанинов медленно кивнул:

— Возможно, вы правы. Слишком похоже на то, что произошло с пропавшими девушками. Они тоже слышали зов, которому не могли противиться.

— Вы думаете, их заманили, как пытались заманить меня?

— Очень вероятно, — Турчанинов задумчиво потеревил бородку. — Только в их случае приманкой была музыка, зовущая, обещающая что-то важное для них. А в вашем — образ потерянной любви.

Феофан помолчал, затем произнёс с внезапной горечью:

— Но почему я? Почему эта сила выбрала именно меня?

— Может быть, потому что вы опасны для неё, — ответил Турчанинов. — Потому что вы способны увидеть то, что скрыто от обычных глаз, почувствовать то, что недоступно обычным чувствам. — Он помолчал. — А может быть, потому что вы уже сталкивались с подобным.

— Вы думаете — Феофан замер, осенённый догадкой, — вы думаете, это те же люди? Тот же ритуал?

Они оба помолчали, вспоминая московское дело.

— Не знаю, — наконец честно ответил Турчанинов. — Но совпадений слишком много. Музыка, не слышимая обычным ухом. Туман, скрывающий границу между мирами. Девушки, исчезающие без следа.

— Но зачем? — спросил Феофан. — Какова их цель?

Турчанинов покачал головой:

— Этого я не знаю. Но мы должны выяснить. И быстро, прежде чем исчезнут другие.

Он закашлялся, прикрывая рот платком, и Феофан снова заметил на белой ткани алые пятна крови. Сердце его сжалось от тревоги за наставника.

— Сергей Александрович, вам нужен покой, — сказал он мягко. — Не волнуйтесь, я займусь расследованием. У меня теперь есть помощница Она производит впечатление весьма способной.

— Да-да, Евгения Александровна, — кивнул Турчанинов, отдышавшись. — Ей можно доверять, Феофан Евстигнеевич. Расскажите ей о своём видении. Возможно, она сможет помочь его истолковать.

Феофан кивнул, хотя внутренне всё ещё сомневался, стоит ли посвящать молодую барышню в такие мрачные материи.

— Я поговорю с ней сегодня в библиотеке, — сказал он. — А затем мы планируем посетить салон Строгановых, где последний раз видели Софью Вяземскую перед исчезновением.

— Хорошо, — одобрил Турчанинов. — Только будьте осторожны, особенно по вечерам, когда туман сгущается. И — он помедлил, — если услышите музыку, странную, зовущую не поддавайтесь ей.

— Будьте спокойны, Сергей Александрович, — уверенно ответил Феофан. — Я знаю, чем чревато подобное искушение.

Они поговорили ещё немного о деталях расследования, затем Феофан, видя усталость на лице наставника, поднялся, чтобы уйти.

— Феофан Евстигнеевич, — окликнул его Турчанинов, когда он уже был у двери, — помните: вы не одни в этом деле. У вас есть поддержка всего Отдела, и — он закашлялся, но нашёл в себе силы продолжить, — и моя поддержка, даже если я прикован к постели.

— Я знаю, Сергей Александрович, — с чувством ответил Феофан. — И я благодарен вам за это больше, чем могу выразить.

Выйдя от Турчанинова, Феофан почувствовал странное облегчение, словно поделившись своими тревогами с наставником, снял часть тяжести с собственных плеч. Теперь ему предстояло встретиться с Евгенией Александровной и продолжить расследование.

Солнце уже поднялось высоко, предвещая ясный, тёплый день. Но Феофан знал, что с наступлением вечера туман вернётся, принеся с собой тайны и опасности. И на сей раз он будет готов к встрече с призрачными обитателями петербургской мглы.

С этой мыслью он направился к зданию Особого Отдела, где в библиотеке его ожидала Евгения Александровна Белозорова — его новая напарница в этом странном и тревожном деле.

По пути он размышлял о том, стоит ли рассказывать ей о своём ночном видении. С одной стороны, ему не хотелось пугать молодую барышню мрачными историями о призраках в тумане. С другой — если она действительно обладала неким родовым даром Белозоровых

(кстати, насколько удобно будет о нём поинтересоваться? Это ведь нужно для работы), о котором говорил Турчанинов, её помощь могла оказаться неоценимой.

«Расскажу, — решил он наконец. — Но постараюсь быть осторожным в выражениях. Всё-таки она дама».

С этим решением Феофан ускорил шаг, предчувствуя, что день будет богат на события и открытия. Дело о пропавших девушках принимало всё более странный оборот, и чем дальше, тем больше оно напоминало ему о тех страшных событиях двенадцатилетней давности. А это значило, что опасность была не просто реальной — она была смертельной.

Эта мысль заставила Феофана замедлить шаг. Если опасность действительно была столь велика, имел ли он право вовлекать в расследование юную барышню, пусть даже с необычными способностями? Да, это одобрил сам Черноморов и дядя Евгении Александровны, но Одно дело — изучать древние манускрипты в безопасности библиотеки, и совсем другое — встречаться лицом к лицу с тёмными силами, способными похищать девушек из запертых комнат.

«Быть может, стоит отказаться от её участия в посещении салонов», — подумал он, хмурясь. Но тут же вспомнил слова о необходимости действовать вместе, под видом светской пары. Не было выбора — один он вызвал бы подозрения, ему не удалось бы расположить к себе юных барышень, которые могли стать следующими жертвами. Да и его дрожь пробирала от одной мысли об этом общении. А Евгения могла войти в их доверие, заговорить о музыке, о странных пропажах, о тумане

Феофан тяжело вздохнул, осознавая дилемму. Если с Евгенией Александровной что-то случится по его вине, он не простит себе этого до конца жизни. Второй Лизоньки на его совести не будет, он поклялся себе в этом. И в то же время — как спасти тех девушек без её помощи?

«Нужно оберегать её всеми силами, — решил он твёрдо. — Не спускать с неё глаз в этих салонах.».

Но взглянув правде в глаза, Феофан был вынужден признать, что не знал, сможет ли защитить Евгению. Он сам едва устоял перед искушением следовать за призрачным видением Лизоньки в тумане. Что, если музыка найдёт слабое место и в душе Евгении? Что, если она поддастся её чарам, как те несчастные девушки?

«В этом случае я должен быть рядом, — подумал Феофан, решительно сжимая трость. — Должен успеть схватить её за руку, удержать силой, если потребуется. А если она всё же окажется в опасности Что ж, в этот раз я не стану сдерживать свою природу».

Именно в этот момент, когда Феофан шагал по петербургской улице, обдумывая план защиты своей напарницы, образ Лизоньки вдруг всплыл в его памяти с удивительной ясностью — не тот призрачный силуэт в тумане, а настоящая, живая Лиза, какой он помнил её в те далёкие, счастливые дни. Она словно улыбалась ему, одобряя его решение защитить другую девушку от мрачной участи.

«Да будет так, — произнёс Феофан мысленно, будто давая клятву. — Клянусь, что сделаю всё возможное, чтобы уберечь Евгению Александровну от опасности. Даже если для этого придётся отказаться от расследования или принять на себя удар тёмных сил».

С этой клятвой в сердце он продолжил свой путь к зданию Особого Отдела, где в библиотеке его ждала Евгения Александровна Белозорова — девушка, которой было суждено стать не просто его напарницей, но объектом его безусловной защиты, своеобразного рыцарского обета, данного самому себе и памяти о той, кого он не сумел спасти.

Библиотека Особого Отдела встретила Феофана тишиной и запахом старых книг. Солнечный свет, проникающий сквозь высокие окна, создавал причудливую игру теней среди стеллажей, заполненных фолиантами в кожаных и парчовых переплётах.

Евгения Александровна уже была там, склонившись над древним манускриптом, испещрённым странными символами. Её тонкие пальцы осторожно переворачивали хрупкие стра-

ницы, а глаза внимательно изучали каждый знак. Она казалась такой поглощённой работой, что Феофан на мгновение замешкался, не решаясь прервать её сосредоточенность.

Но она словно почувствовала его присутствие и подняла голову:

— Феофан Евстигнеевич! — голос её звучал живо и с лёгким удивлением. — Вы рано сегодня.

— Доброе утро, Евгения Александровна, — ответил он, подходя ближе. — Надеюсь, я не помешал вашим исследованиям.

— Ничуть, — она жестом пригласила его сесть напротив. — Я как раз изучала текст о рисунках, подобных тому, что вы нашли в дневнике Софьи Вяземской. И, кажется, обнаружила кое-что интересное.

Она повернула к нему раскрытую книгу. На пожелтевшей от времени странице был изображён тот же символ — деревья, скрученные в арку, а под ним текст на неизвестном Феофану языке.

— Что здесь написано? — спросил он, невольно заинтересовавшись.

— Это древний текст о вратах между мирами, — ответила Евгения, и её глаза заблестели от научного интереса. — Согласно этой легенде, существуют особые места, где грань между нашим миром и иными реальностями становится тонкой. В таких местах могут вырасти деревья особой формы — скрученные, сплетённые в арку или кольцо. Они служат естественными порталами, то есть точками перехода, эдакими дверьми в неизвестное.

— Порталами? — переспросил Феофан. — Куда?

— В другие миры, — просто ответила Евгения. — В текстах они называются по-разному: Навь, Ирий, Авалон, Страна Фейри Но суть одна — это места, где действуют иные законы, где время течёт иначе, и где обитают существа, отличные от людей.

Она перевернула страницу, показывая другую иллюстрацию — на ней был изображён круг танцующих девушек в белых одеждах. Рисунок был настолько похож на то, что видел Феофан в тумане накануне ночью, что у него перехватило дыхание.

— Это — начал он, но Евгения опередила его:

— Это древний ритуал открытия врат, один из известных, — сказала она. — Согласно тексту, для перехода между мирами нужна особая сила — жизненная энергия юных девушек, исполняющих ритуальный танец под определённую музыку.

— Под музыку, — повторил Феофан, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Они определённо были на верном пути. — Евгения Александровна, мне кажется, я видел нечто подобное прошлой ночью.

И он рассказал ей о своём ночном видении — о призрачной фигуре в белом, о женских силуэтах в тумане, о странном ощущении, будто его пытались заманить куда-то. Он говорил сдержанно, опуская самые личные детали, но и без того рассказ вышел довольно мрачным.

К его удивлению, Евгения выслушала его без тени испуга или недоверия. Напротив, её лицо выражало глубокую заинтересованность и понимание.

— Это согласуется с древними текстами, — сказала она, когда он закончил. — Обитатели иных миров часто используют образы, близкие сердцу человека, чтобы привлечь его внимание или заманить к себе. — Она помедлила. — Вы говорите, вам показалось, что вы видели знакомую вам девушку?

Феофан почувствовал, как краска заливает его лицо. Он не был готов обсуждать свои личные трагедии с малознакомой барышней, пусть даже и ради расследования.

— Да, — сказал он коротко. — Но это не имеет значения. Важно другое — если то, что я видел, связано с ритуалом, описанным в вашей книге, значит, пропавшие девушки могли быть завлечены для участия в этом ритуале.

Евгения кивнула, тактично не углубляясь в тему, которая явно была болезненной для Феофана:



— Согласно тексту, для ритуала нужны девушки определённого типа — чистые душой, способные воспринимать тонкие материи. Обычно их завлекают музыкой, которая звучит не для всех, а лишь для избранных. Музыка эта — она перевела взгляд на страницу, — «проникает в самое сердце, заставляя забыть о мире живых и стремиться к иному берегу».

— Это согласуется с записями в дневнике Софьи, — заметил Феофан. — Она писала о музыке, которую слышала даже вдали от салона, которая словно звала её.

— Да, — согласилась Евгения. — И если верить этому тексту, ритуал должен завершиться в особый день — когда грань между мирами тоньше всего. — Она перевернула ещё несколько страниц. — Здесь упоминается летнее солнцестояние.

— До него ещё больше месяца, — подсчитал Феофан. — Значит, у нас есть время.

— Если только это не подготовительный этап, — задумчиво произнесла Евгения. — Возможно, девушек собирают заранее, чтобы они настроились на нужную волну, так сказать. Знать бы только, где их держат

Она продолжала перелистывать страницы, пока не остановилась на изображении странного музыкального инструмента, похожего на арфу, но с необычным расположением струн.

— Смотрите, — сказала она. — Здесь говорится, что для ритуала необходим особый инструмент, сделанный из определённых пород дерева. Каждая струна соответствует одной из участниц ритуала. И когда музыкант играет особую мелодию

Она запнулась, и Феофан понял, что мысль её зашла слишком далеко:

— Что происходит, когда он играет?

— Девушки танцуют до изнеможения, — ответила Евгения тихо. — Танцуют, пока их жизненная сила не иссякнет полностью. И тогда врата открываются.

Они замолчали, осмысливая услышанное. Картина вырисовывалась зловещая — кто-то в Петербурге готовил древний ритуал, используя для этого молодых девушек из хороших семей. Вот только для чего?.. Кому так не терпится попасть в иной мир?

— Нам нужно посетить все музыкальные салоны, где бывали пропавшие, — сказал наконец Феофан. — Найти того музыканта, о котором упоминала Софья Вяземская.

— И выяснить, кто стоит за всем этим, — добавила Евгения. — Кто организует ритуал и с какой целью.

Феофан внимательно посмотрел на неё:

— Это может быть опасно, Евгения Александровна. Если мы правы, и за исчезновениями стоит какой-то тайный культ, его члены не остановятся ни перед чем, чтобы провести свой ритуал.

— Я понимаю риск, — спокойно ответила она. — Но речь идёт о жизнях других. К тому же, — в её глазах мелькнул огонёк, — я не так беззащитна, как может показаться.

Феофан невольно улыбнулся. Эта девушка определённо не была похожа на трепетных барышень из светских салонов. В ней чувствовались внутренняя сила и решимость, достойные уважения.

— Хорошо, — сказал он, поднимаясь. — Тогда у нас много работы. Давайте составим список всех музыкальных салонов, где бывали пропавшие, и разработаем план действий.

Евгения кивнула, и они приступили к работе, осознавая, что времени может быть меньше, чем кажется, а ставки в этой игре — невероятно высоки. Где-то в Петербурге, скрытые туманом, три девушки ждали спасения, не подозревая, какая судьба им уготована.

## Глава 9. Салоны Петербурга

День клонился к вечеру. Солнечные лучи, проникавшие сквозь высокие окна библиотеки Особого Отдела, окрасились в теплые янтарные тона и золотистыми полосами ложились на темный паркет и корешки старинных фолиантов, выстроившихся вдоль стен в массивных дубовых шкафах. В воздухе царил тот особый покой, который можно встретить лишь в древних хранилищах знаний, где время словно замирает, позволяя мыслям течь свободно и неспешно.

Посреди этого царства книжной пыли и мудрости веков сидели двое — мужчина и женщина, склонившиеся над разложенными бумагами и картами Петербурга. Воротник Феофана Евстигнеевича был расстегнут, а рукава рубашки закатаны до локтей — несвойственная ему вольность, объяснимая лишь жаром и усердием долгой работы. Черные перчатки, впрочем, оставались неизменно на руках, словно вторая кожа.

Евгения Александровна, напротив, сохраняла безупречный вид, несмотря на часы, проведенные среди книг и рукописей. Лишь легкий румянец на щеках и выбившаяся из прически прядь каштановых волос выдавали её увлеченность задачей. Золотистые крапинки в её карих глазах, казалось, сияли ярче в лучах закатного солнца, когда она поднимала взгляд от бумаг.

— Вот, смотрите, Феофан Евстигнеевич, — произнесла Евгения, указывая тонким пальцем на лист, исписанный аккуратным, каллиграфическим почерком. — Я составила список всех значимых музыкальных салонов Петербурга. Получилось двадцать три. Но если учесть только те, что пользуются известностью среди благородного общества, то их семнадцать.

Феофан склонился над списком, невольно отмечая, как от девушки исходил тонкий аромат сирени и чернил — странное, но приятное сочетание, напоминавшее о весне и ученых занятиях одновременно.

— Это весьма внушительное число, — заметил он, изучая перечень. — Боюсь, у нас недостаточно времени, чтобы посетить их все. Нужно сузить круг поисков.

— Я уже подумала об этом, — ответила Евгения с легкой улыбкой. — Смотрите, я отметила крестиками те салоны, где точно бывали пропавшие девушки.

Феофан пробежал глазами по отмеченным пунктам: салон графини Строгановой, музыкальные вечера у князя Щербатова, литературно-музыкальный кружок профессора Милославского Всего пять мест.

— Однако есть еще одна примечательная деталь, — продолжила Евгения, перелистывая свои записи. — Я изучила программы концертов в этих салонах за последние два месяца. И обнаружила, что во всех пяти местах выступал один и тот же музыкант — некий Мирослав Артурович Гжельский.

— Гжельский? — Феофан нахмурился, пытаясь вспомнить, слышал ли когда-нибудь это имя, ему казалось, что он уже где-то сталкивался с этой персоной. — Не припоминаю такой фамилии среди известных музыкантов.

— Он относительно новое лицо в петербургском обществе, — пояснила Евгения, доставая еще один лист. — Начал выступать около года назад, быстро приобрел популярность в определенных кругах. Особенно среди молодых барышень, — она многозначительно взглянула на Феофана. — Судя по отзывам, его игра на фортепиано «божественна» и «переносит в иные миры». Так пишут в светских хрониках.

— Иные миры, — медленно повторил Феофан, и холодок пробежал по его спине. — Весьма красноречивое описание. А что известно о самом Гжельском? Откуда он?

Евгения развернула перед ним другой лист, на котором были собраны скудные сведения о загадочном музыканте.

— О нем мало что известно, — сказала она. — Представляется как выпускник Венской консерватории. Живет с матерью, Анной Петровной Гжельской, в небольшом особняке

на Васильевском острове. Она держит там музыкальный салон, не слишком роскошный, но, как пишут, со своей «особой атмосферой».

— И этот салон не входит в ваш список? — спросил Феофан, просматривая бумаги.

— Входит, — Евгения указала на строчку, отмеченную не крестиком, а звездочкой. — Но по моим данным, ни одна из пропавших девушек там не бывала. По крайней мере, официально.

— Официально, — повторил Феофан задумчиво. — Вы полагаете, они могли посещать салон Гжельских тайно?

— Это лишь предположение, — ответила Евгения. — Но мне кажется подозрительным, что один и тот же музыкант выступал во всех местах, где бывали пропавшие девушки, а потом вдруг они бесследно исчезают.

Феофан несколько мгновений смотрел на карту Петербурга, где Евгения пометила все упомянутые салоны маленькими красными точками. Образовывалась странная фигура, напоминающая дугу, огибающую Васильевский остров с северо-запада. Впрочем, это ни о чём не говорило.

— Гжельский, — пробормотал он. — Стоит проверить эту версию. Но нужно действовать осторожно. Если он действительно причастен к исчезновениям, спугнув его, мы можем потерять след пропавших девушек навсегда.

— У меня есть мысль, — сказала Евгения, и в её глазах появился тот особый блеск, который Феофан уже научился распознавать как признак рождения оригинальной идеи. — Мы могли бы посетить эти салоны не как следователи, а как гости. Под видом обычных посетителей.

— Вы предлагаете — Феофан замялся, чувствуя, как к щекам приливает кровь, — чтобы мы посещали светские мероприятия вместе?

— Именно, — кивнула Евгения, совершенно не смутившись. — В обществе юной барышни из хорошей семьи вы не вызовете подозрений. А я смогу наблюдать за другими девушками, может быть, даже поговорить с ними, выяснить, не слышали ли они ту странную музыку. К тому же, — добавила она с легкой улыбкой, — вас сочтут моим поклонником. Это даст нам дополнительную свободу действий.

Феофан почувствовал, как его смущение усиливается, перерастая в нечто сродни панике, которую он тщательно скрывал под маской невозмутимости. Кровь прилила к лицу, и он порадовался, что в библиотеке царил полумрак, скрадывающий предательский румянец. Мысль о том, чтобы изображать поклонника молодой девушки, вызвала в нем не просто внутренний протест — всё его существо, каждый нерв, каждая частица его натуры восставала против этой затеи.

Годы, проведенные в монастырской обители, наложили на него неизгладимый отпечаток. Там, в тиши кельи, в ритме молитв и послушаний, он выстроил для себя непроницаемую крепость — с высокими стенами из строгих правил и глубоким рвом добровольных ограничений. Эта крепость защищала его от мира, от искушений, от самого себя и от своей особой природы. Особенно тщательно он возводил стены, отделявшие его от женского общества. Не только из-за монастырских уставов, но и из страха перед тем, что могла натворить его необычная сила.

Старец Филарет не раз говорил ему: «Женские души нежнее, тоньше. Огонь, что для мужчины лишь опалит кожу, женщину может испепелить дотла». И Феофан боялся именно этого — что та странная притягательность, то очарование, что невольно исходило от него и могло подчинить женское сердце, станет для кого-то роковым, как стало когда-то для Лизоньки.

С тех пор он соблюдал строжайшие правила в общении с противоположным полом: никогда не оставаться наедине, не допускать физического контакта даже случайного (отсюда — неизменные перчатки), сохранять дистанцию, говорить сухо и по делу. Эти правила стали для него второй натурой, частью его самого.

А теперь ему предлагалось добровольно нарушить их все. Изображать поклонника — значит смотреть в глаза, произносить любезности, предлагать руку при спуске с лестницы, возможно, даже танцевать. От одной мысли об этом его бросало в жар. Не только из-за естественной застенчивости, но из-за настоящего, глубинного страха причинить вред.

К тому же, откровенно говоря, он и не представлял, как должен вести себя поклонник. У него не было ни опыта, ни природной склонности к светским играм. Все эти томные взгляды, нежные вздохи, многозначительные полуулыбки казались ему чем-то из другого мира, недоступного и непостижимого. Он читал о таком в книгах, но никогда не думал, что ему самому придется играть подобную роль.

А что если он сделает что-то не так? Что, если своей неуклюжестью или неуместной серьезностью выдаст их истинное намерение? Что, если из-за него они упустят след пропавших девушек?

Но самое тревожное заключалось в том, что где-то в глубине души, под всеми этими страхами и сомнениями, таилось нечто иное — смутное, почти неосознаваемое желание согласиться. Феофан обнаружил это чувство внезапно, как открывают потайную комнату в доме, где, казалось, знаешь каждый уголок. И обнаружение это ужаснуло его едва ли не больше, чем сама перспектива изображать поклонника.

Какая-то часть его существа, которую он сам едва признавал, была готова принять эту роль — не из долга, не ради расследования, а из любопытства? Из стремления вновь ощутить себя обычным человеком, а не отшельником, добровольно отрекшимся от простых человеческих радостей?

Быть может, дело было в том, что аскеза его последних лет, при всей её строгости и искренности, всё же оставалась лишь выбранным путём, а не истинной сутью его натуры? Он ведь не родился монахом. Когда-то, до трагедии с Лизонькой, он был обычным юношей с обычными мечтами — о семье, о доме, о простом человеческом счастье. О человеческом тепле, душевном или даже телесном.

Купец Иванов хотел сделать его своим помощником, выдать за него дочь. Феофан помнил тот летний день, когда Лизонька, краснея, сказала ему об этом — помнил восторг, охвативший его сердце, помнил, как шептал про себя молитвы благодарности, не веря своему счастью. Сирота, взятый из милости, получал шанс на настоящую, полную жизнь — с делом, с уважением в обществе, с любимой.

А потом всё рухнуло в одну страшную ночь, когда гроза застала их в подмосковном лесу, и его скрытая природа вырвалась наружу. Именно тогда он принял решение: никогда больше. Никаких надежд на обычное счастье, никаких мечтаний, никакой любви. Монастырские стены должны были стать для него одновременно покаянием и защитой — для мира от него и для него от самого себя.

Но душа человеческая не так проста, как нам хотелось бы думать. Восемь лет в Особом Отделе постепенно меняли его, возвращали к жизни. Работа с Турчаниновым, встречи с другими, подобными ему «особенными» людьми, осознание того, что его сила может быть не только проклятием, но и даром, сослужить добрую службу. Всё это медленно, но верно возвращало его в мир живых, хотя сам он едва ли замечал эти перемены.

И вот теперь эта девушка — Евгения Александровна, с её умными глазами, с карими радужками, в которых плясали золотистые искорки, с её прямым, открытым взглядом, с её ясным умом и отсутствием жеманства или кокетства. Она предлагала ему вернуться в мир, пусть даже под маской, пусть даже играя роль.

Феофан с ужасом обнаружил, что хочет этого. Хочет входить с ней в гостиные, предлагать ей руку при спуске с экипажа, склоняться к её уху, делаясь наблюдениями, видеть удивление и уважение в глазах окружающих, обращённых на эту пару. Хочет слышать, как её называют «вашей дамой», а его — «её кавалером».

Это были не романтические чувства — нет, слишком глубоко он похоронил в себе такую возможность. Скорее, то была тоска одиночества, годами копившаяся в душе и вдруг прорвавшаяся, как подземный ключ сквозь толщу камней. Тоска по человеческому теплу, по взгляду, в котором читаешь понимание, по руке, на которую можно опереться — пусть даже лишь символически, не нарушая своего правила избегать прикосновений. Какое искушение

Может быть, дело было и в самой Евгении? В том, как спокойно и достойно она держалась, как серьёзно относилась к делу, как уважительно говорила с ним — без тени флирта или игривости, которые так пугали его в других женщинах. В том, что она, казалось, видела в нём не странного затворника с сединой на висках, а равного себе человека, коллегу, партнёра?

Или, возможно, всё дело было в том, что последние восемь лет, с тех пор как он покинул монастырь, обнаружили в нём до того неведомую жажду жизни? Ту самую, которую он тщательно подавлял всеми возможными способами — строгостью быта, аскетичной пищей, изнурительной работой, неотступной молитвой. Но эта жажда не исчезла, лишь затаилась, как коварная змея, ожидая момента, чтобы напомнить о себе.

И вот этот момент настал.

«Что же со мной происходит?» — вопрошал он себя с искренним недоумением. Одно дело — последовать за старым другом и наставником в Особый Отдел, чтобы послужить благу делу, искупить свою вину перед Лизонькой. И совсем другое — это странное, непрошеное волнение, эта почти детская радость от мысли, что он будет частью обычного мира, пусть даже ненадолго, пусть даже под маской.

Феофан испугался этого чувства — так человек, долго живший в сумраке пещеры, пугается яркого солнечного света. Но за испугом крылось что-то ещё — слабая, робкая надежда, что, быть может, его жизнь не закончилась в ту грозовую ночь двенадцать лет назад. Что, возможно, ему позволено не только искупить, но и жить — по-настоящему, полной мерой.

«Я позволяю себе это лишь ради дела, — успокаивал он себя. — Лишь ради спасения пропавших девушек. Это не означает, что я отступаю от своих принципов или забываю о своём обете. Я обещал Турчанинову и Черноморову приложить все усилия и не бежать от этого сотрудничества, я просто стараюсь изо всех сил».

Но в глубине души он знал, что обманывает себя. Что это внезапное согласие таило в себе нечто большее — первый, робкий шаг к возвращению в мир, от которого он так долго и так тщательно отгораживался.

Эта неожиданная двойственность собственных чувств смутила Феофана больше всего. Он привык считать себя человеком цельным, с твердыми убеждениями и непоколебимыми принципами. А теперь обнаружил в себе эту странную неуверенность, эту трещину в монолите своей воли.

И всё же

— Ваш план имеет смысл, — признал он наконец, справившись с волнением. — Но я не уверен, что сумею правильно сыграть такую роль. Я практически никогда не бывал в свете.

— Не волнуйтесь, — спокойно ответила Евгения. — В салонах главное — музыка и беседы об искусстве. Вам не придется танцевать мазурку или произносить велеречивые комплименты. Достаточно будет вашего обычного серьезного вида и нескольких фраз о музыке.

Феофан поморщился, представив себя в роли светского льва, рассуждающего о музыкальных пассажах и гармониях. Но девушка была права — у них не было другого способа близко понаблюдать за светом, не вызывая подозрений.

— Хорошо, — сказал он. — Давайте составим план посещений. Начнем с тех салонов, где бывали пропавшие девушки, в порядке важности.

Евгения кивнула и поднесла перо к чистому листу бумаги:

— Я полагаю, стоит начать с дома Строгановых. Именно оттуда вернулась Софья Вяземская перед исчезновением. К тому же, это один из самых влиятельных музыкальных салонов Петербурга, туда непросто попасть без должных рекомендаций.

— У вас есть такие рекомендации? — спросил Феофан с сомнением.

— У меня — нет, — ответила Евгения. — Но у моего дяди — есть. Михаил Александрович вхож в дом Строгановых как известный ученый и любитель искусств. Не думаю, что дядюшка мне откажет.

— Отлично, — кивнул Феофан. — А что насчет других салонов?

— Музыкальные вечера у князя Щербатова проходят дважды в неделю, по вторникам и пятницам, — продолжила Евгения, сверяясь со своими записями. — Кстати, там бывала Мария Нелидова перед исчезновением. Этот салон менее формальный, и туда легче получить приглашение.

— Тем не менее, стоит посетить и это место, — заметил Феофан. — Может быть, мы найдем там следы влияния той странной музыки на других барышень.

— Согласна, — кивнула Евгения, делая пометку. — Затем кружок профессора Милославского. Это более камерные встречи, но зато там бывают интересные люди — ученые, литераторы. Возможно, кто-то из них заметил что-то необычное.

— А что насчет салона самих Гжельских? — спросил Феофан. — Вы упомянули, что ни одна из пропавших девушек не бывала там официально. Но ведь этот салон должен быть в центре нашего внимания.

— Безусловно, — согласилась Евгения. — Но к Гжельским нужен особый подход. Их салон не столь известен в высшем свете, хотя, говорят, последнее время набирает популярность. Но главное — нам нужно придумать убедительный предлог для визита.

Она задумалась на мгновение, а затем её лицо озарилось:

— У меня есть идея. Мы могли бы сказать, что я интересуюсь старинной музыкой, особенно британской и ирландской. По слухам, Мирослав Артурович великолепно исполняет кельтские баллады и старинные шотландские мелодии. Я слыхала, что он сам даже написал балладу на стихи Роберта Бёрнса в старошотландском стиле. Это будет достаточным поводом для знакомства.

— Вы действительно интересуетесь такой музыкой? — спросил Феофан с любопытством.

— На самом деле, да, — улыбнулась Евгения. — У меня неплохая коллекция нот и записей старинных баллад. Это связано с моими изысканиями в области древних языков и культур. Я люблю стихи, многие читаю в оригинале. Так что мне не придется притворяться.

Феофан кивнул, внутренне отметив, насколько удачным было назначение этой девушки его напарницей. Её знания и связи открывали двери, которые для него одного оставались бы закрытыми.

— Итак, — сказал он, — наш план таков: сначала посещаем салон Строгановых, затем — князя Щербатова, после — кружок Милославского, и наконец — салон Гжельских. На каждом визите наблюдаем за публикой, особенно за молодыми барышнями, пытаемся узнать больше о самом Гжельском, и, если возможно, послушать его игру.

— И ни в коем случае не показываем, что ведем расследование, — добавила Евгения. — Мы просто светская пара, интересующаяся музыкой.

Феофан вновь ощутил прилив смущения от слова «пара», но сдержанно кивнул:

— Да, это разумно. А когда нам следует начать наши визиты?

Евгения сверилась с лежащим перед ней календарем:

— У Строгановых музыкальный вечер в эту среду. Если дядя даст рекомендательное письмо, мы могли бы отправиться туда.

— Так скоро? — Феофан невольно выпрямился в кресле. — Но у нас всего два дня на подготовку.

— Время работает против нас, Феофан Евстигнеевич, — с неожиданной серьезностью сказала Евгения. — Три девушки уже пропали. Кто знает, сколько еще понадобится для ритуала, о котором мы читали?

Феофан вспомнил страшные строки древнего манускрипта, где говорилось о жертвах, танцующих до изнеможения, и мрачно кивнул:

— Вы правы. Нельзя терять ни дня. Мы отправимся к Строгановым в среду.

— А пока, — продолжила Евгения, собирая бумаги, — я постараюсь узнать больше о самом Гжельском. В библиотеке есть подшивки газет за последний год, где могли упоминаться его концерты. Возможно, мы найдем еще какие-нибудь зацепки.

— Хорошая мысль, — одобрил Феофан. — А я наведу справки о его прошлом. Если он действительно учился в Венской консерватории, должны быть какие-то документы, подтверждающие это. И стоит проверить, не связан ли он с оккультными кругами.

Они еще некоторое время обсуждали детали предстоящих визитов, расставляя приоритеты и намечая возможные линии разговора в каждом из салонов. Феофан с удивлением отметил, насколько легко у них складывается совместная работа, несмотря на его первоначальные опасения. Евгения Александровна оказалась не только образованной, но и практичной девушкой с живым умом и способностью мыслить логически.

Когда последние лучи солнца покинули окна библиотеки, и зажглись газовые рожки на стенах, Евгения аккуратно сложила все бумаги в папку и поднялась:

— Становится поздно, Феофан Евстигнеевич. Мне пора возвращаться домой. Завтра я попрошу у дяди письмо для Строгановых и продолжу изучать все, что связано с Гжельским.

Феофан тоже поднялся, расправляя затекшие плечи:

— Позвольте проводить вас, Евгения Александровна. Сейчас не лучшее время для молодой девушки прогуливаться в одиночестве, особенно в свете последних событий.

— Благодарю вас, — она улыбнулась, собирая свои вещи. — Я буду признательна за компанию. К тому же, нам нужно поддерживать образ светской пары, не так ли?

В её глазах промелькнула искорка легкого лукавства, и Феофан, к собственному удивлению, почувствовал не обычное раздражение, а нечто иное — смутное тепло, возникшее где-то в глубине души.

— Полагаю, практика не повредит, — ответил он, стараясь сохранять серьезность, но уголки его губ невольно дрогнули в намеке на улыбку.

Они вышли из библиотеки вместе, унося с собой план действий, который, как они надеялись, приведет их к разгадке тайны пропавших девушек и странной музыки, звучавшей в петербургском тумане. Впереди их ждали музыкальные салоны столицы, загадочный пианист Гжельский и, возможно, встреча с теми силами, что скрывались за завесой обыденной реальности, терпеливо выжидая подходящего момента для своих темных замыслов.

## Глава 10. Весточка от Волкова

Город вокруг постепенно засыпал, окна домов гасли одно за другим, экипажей становилось все меньше. Феофан Евстигнеевич возвращался домой, размышляя о странностях дела, над которым работал. Едва слышное постукивание трости по мостовой отдавалось в сыром ночном воздухе, и, вопреки привычному умиротворению, которое обычно приносили ему вечерние прогулки, душу следователя тяготило смутное беспокойство.

Когда он свернул на одну из боковых улиц, Полозов вдруг ощутил знакомое покалывание на коже — верный признак близости чего-то необычного. Он замедлил шаг, пристально вглядываясь в сгущающиеся тени. Его чуткий слух уловил тихий звук — не человеческих шагов, а легкого, быстрого царапанья когтей по мостовой.

Из темноты внезапно выскочила собака — крупный, лохматый пес с серо-бурой шерстью и умными, почти человеческими глазами. В зубах он держал что-то, похожее на свернутую записку.

— Один из волковских, — пробормотал Феофан, узнав Серого, самого смышленного из псов Алексея Игнатьевича.

Пес, подбежав к Феофану, сел у его ног, поднял морду и выпустил из пасти свернутый лист бумаги. Феофан нагнулся, чтобы поднять мокрую записку, и пес коротко тьякнул, словно подтверждая, что послание доставлено по назначению.

Развернув бумагу, Феофан прочел несколько торопливо написанных строк:

«Феофан Евстигнеевич, нужны срочно на Парковой, дом купца Сидорова. Пропала дочь и ценности. Похоже на наше дело, но не уверен. Жду. А.В.»

— Так-так, — пробормотал Феофан, — еще одно исчезновение.

Он провел ладонью в перчатке по голове собаки, которая терпеливо ждала ответа.

— Хорошо, Серый, води меня.

Пес, словно понимая человеческую речь, тьякнул и побежал вперед, оглядываясь через каждые несколько шагов, чтобы убедиться, что человек следует за ним.

Пока Феофан спешил за собакой, мысли его лихорадочно перебирали возможные связи между предыдущими исчезновениями и нынешним случаем. Три барышни уже пропали без следа. Что если всё это время они искали не там? Что если за всем стоит не музыкант Гжельский, а кто-то иной, более прозаический — обычный преступник, похищающий молодых девушек ради выкупа или иных грязных целей?

Дом купца Сидорова, богатое трехэтажное здание с колоннами у парадного входа и высокими окнами, сиял огнями, несмотря на поздний час. У ворот стояли две полицейские кареты, что указывало на серьезность происшествия.

Феофан, следуя за собакой, поднялся по мраморным ступеням крыльца. Двери распахнулись еще до того, как он успел позвонить. На пороге стоял дворецкий с осунувшимся лицом.

— Следователь Особого Отдела Феофан Евстигнеевич Полозов, — представился Феофан. — Меня вызвал господин Волков. Он здесь?

— Да, пожалуйста, господин следователь, — ответил дворецкий, пропуская его внутрь. — Господин Волков в комнате барышни, на втором этаже. Я провожу вас.

Поднимаясь по широкой лестнице, устланной дорогим персидским ковром, Феофан слышал громкие рыдания, доносившиеся из одной из комнат первого этажа, и низкий, гудящий бас, пытавшийся утешить рыдающую.

— Мамаша Аннушки, — тихо пояснил дворецкий. — Совсем извелась, бедная. И барин не в себе, хоть виду не подает.



Дворецкий был пожилым человеком с тем особым достоинством в манерах, которое приобретает годами службы в хорошем доме. Его сюртук сидел безупречно, седые бакенбарды были аккуратно подстрижены, но в глазах таилось неподдельное беспокойство.

— Давно пропала барышня? — спросил Феофан, пока они шли по широкому коридору второго этажа.

— Сегодня вечером, ваше благородие, — ответил дворецкий, понизив голос. — Поужинала с родителями, пожаловалась на головную боль и поднялась к себе. А когда Дуняша, горничная, пришла помочь ей переодеться на ночь, комната оказалась пуста, и шкатулка с драгоценностями пропала. Окно было открыто настежь

Он помедлил, словно не решаясь продолжать.

— Говорите, что знаете, — подбодрил его Феофан. — Любая деталь может оказаться важной.

— Да вот беда в том, что Филька — приказчик хозяйский — тоже исчез. Молодой человек, усердный, барин его ценил. Говорят, будто он записочки барышне передавал, да только никто наверное не знает.

На втором этаже дворецкий провел Феофана в просторную комнату, обставленную с тем избыточным великолепием, которое часто свойственно купеческим домам. Розовые обои с серебряным рисунком, белая с позолотой мебель, кружевные занавеси, множество фарфоровых статуэток на этажерках — все говорило о достатке и желании выставить его напоказ.

Посреди этого великолепия стоял Алексей Игнатьевич Волков, нагнувшись над открытым ящиком комода. Его крепкая фигура в потертом сюртуке и с всклокоченной рыжей бородой казалась чужеродной в этом царстве роскоши.

— А, Феофан Евстигнеевич! — воскликнул он, выпрямляясь. — Наконец-то! Я уж думал, Серый вас не найдет.

Волков кивнул огромному псу, который прошмыгнул в комнату вслед за Феофаном.

— Нашел, как видите, — ответил Феофан. — Что здесь произошло?

Волков кивнул в сторону распахнутого гардероба, откуда была выброшена большая часть платьев.

— Анна Сидорова, восемнадцать лет, единственная дочь купца первой гильдии Пантелеймона Сидорова. Исчезла сегодня вечером, предположительно между девятью и десятью часами. Отужинала с родителями, затем поднялась к себе. В одиннадцать горничная пришла помочь барышне приготовиться ко сну, но комната оказалась пуста. Пропала не только девица, но и ее шкатулка с драгоценностями — весьма ценная, по словам матери.

Волков говорил отрывисто, по-деловому, но Феофан заметил, что его глаза, обычно веселые и с лукавинкой, сейчас смотрели жестко и напряженно. Было видно, что случай встревожил даже этого бывалого сыщика.

— Исчезла одежда? — спросил Феофан, осматривая разбросанные по комнате платья.

— Не похоже, — покачал головой Волков. — Судя по словам горничной, не хватает только того, что было на барышне — вечернее платье из голубого шелка и накидка. Остальное разбросано, словно кто-то спешно искал что-то.

Волков наклонился и поднял с пола несколько смятых листов бумаги.

— Вот что интересно: в углу обнаружены эти записочки. Посмотрите-ка.

Феофан взял листки и развернул их. Это были любовные послания, написанные крупным, но красивым почерком, иногда с орфографическими ошибками и чернильными кляксами. Автор уверял некую «душеньку» и «ангела» в своей горячей, вечной любви и предлагал бежать вместе, чтобы обвенчаться тайно, поскольку «жестокосердный батюшка» никогда не даст согласия на их союз.

— «Душа моя, ангел мой Аннушка!» — тихо прочел Феофан. — «Нет мочи больше таиться. Извелся весь по Вас. Умоляю, бежимте со мной в Москву, повенчаемся там тайно, ибо

батюшка Ваш строгий не даст благословения. Деньги на первое время имею, а там и службу хорошую сыщу. Не томите более мое сердце, дайте ответ. Навеки Ваш, Ф.В.»

— Похоже на любовную историю, — заметил Феофан, передавая записки обратно Волкову. — Что-то более земное, чем наши изначальные опасения.

Волков усмехнулся, поправив ус.

— Да уж. Но взгляните сюда.

Он указал на небольшой изящный столик у окна, где лежала знакомая программка музыкального вечера в салоне Гжельских.

— Знакомая вещица, а? — спросил Волков, прищурившись. — Случайное совпадение?

Феофан нахмурился. Он подошел к столику и осторожно взял программку. Ничего необычного он не почувствовал — никакой магической вибрации, никакого ощущения неправильности, которое всегда сопровождало столкновение с враждебной магией.

— Магического отклика я не чувствую, — произнес он задумчиво. — Но и вправду странное совпадение. Разве что, как показал наш опыт последних дней, музыкальные салоны — обычное развлечение для барышень, многие посещают их регулярно.

— И многие исчезают после этого? — спросил Волков.

Феофан не ответил. Он медленно прошелся по комнате, внимательно изучая каждый уголок, каждый предмет. Затем прикрыл глаза, сосредоточившись на своем особом чувстве, позволяющем ощущать эфирные следы и магические воздействия.

Комната была абсолютно обычной — в эфирном смысле. Никаких следов постороннего магического вмешательства, никаких искажений пространства, никаких вибраций, схожих с теми, что он ощущал в комнате Софьи Вяземской. Только обычные, повседневные эмоциональные отпечатки: девическая мечтательность, волнение, нетерпение — ничего необычного для юной барышни.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.